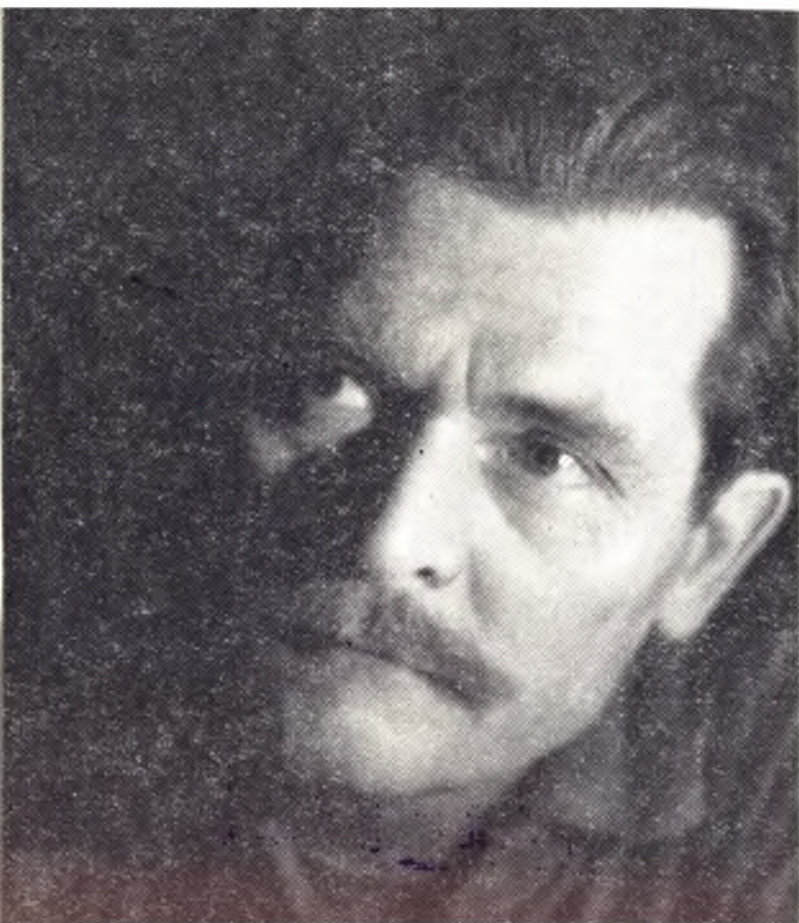

I827274

А. Я. Яковлев

Избранные стихи

Стихи

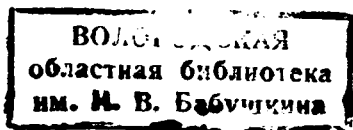
**АЛЕКСАНДР
ЯШИН**

•

**из трех книг
СОВЕСТЬ
БОСНОМ ПО ЗЕМЛЕ
ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ**

СТИХИ

827274

**СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА • 1976**

Произведения замечательного мастера советской литературы, поэта и прозаика Александра Яковлевича Яшина (1913—1968) пользуются широким читательским вниманием.

Большую известность получили три последние стихотворные книги Александра Яшина, выпущенные «Советским писателем», — «Совесть» (1961), «Босиком по земле» (1965) и «День творенья» (посмертный сборник, 1968). Они отмечены зрелостью и мужеством таланта, внутренне связаны между собой.

О чем эти книги? Об ответственности каждого из нас перед своим временем, перед согражданами, перед самим собой. О привязанности человека к отчему краю, земле, где он родился и рос. О вечном его долге перед теми, кто «кормит его своим хлебом». О высоком, подлинно гражданском понимании счастья — как самоотдачи, полной, безграничной. И обо всем этом говорится по-яшински страстно, вдохновенно, с доверительной прямоотой и открытостью.

СОВЕСТЬ

СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА

Мне с отчимом невесело жилось,
Все ж он меня растил —
И оттого
Порой жалею, что не довелось
Хоть чем-нибудь порадовать его.

Когда он слег и тихо умирал,
Рассказывает мать,
День ото дня
Все чаще вспоминал меня и ждал:
«Вот Шурку бы... Уж он бы спас меня!»

Бездомной бабушке в селе родном
Я говорил: мол, так ее люблю,
Что подрасту и сам срублю ей дом,
Дров наготовлю,
Хлеба воз куплю.

Мечтал о многом,
Много обещал...
В блокаде ленинградской старика
От смерти б спас,
Да на день опоздал,
И дня того не возвратят века.

Теперь прошел я тысячи дорог —
Купить воз хлеба, дом срубить бы мог...
Нет отчима,
И бабка умерла...

Спешите делать добрые дела!

1958

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ

Тревожно и грозно,
Тем боле что поздно,
И мой наступил
Переходный возраст.

Не слабым слышу,
А в голос реву:
Туда ли плыву я?
Так ли живу?

И спать не могу,
И есть не могу:
В долгу перед всеми —
А что я могу?

Как пень на лугу,
Как тень на снегу,
Как серый валун
На морском берегу...

Чье сердце смягчил?
Кому подал руку?
Кому облегчил
Душевную муку?

Чью старость утешил?
Кого осчастливил?

Кого на дорогу
На торную вывел?

Пред всеми в долгу я,
А чем помогу?
Я много могу.
Ничего не могу.

От горя ушел,
От хвори ушел,
От смерти ушел —
От себя не могу.

1959

УТРОМ НЕ УМИРАЮТ

Даже представить трудно,
Как я смогу опять
С вечера беспробудно,
Без сновидений, спать.

Страшно, что сил не хватит
Выдержать до утра.
Сядьте на край кровати,
Дайте руку, сестра!

Все, кто болели, знают
Тяжесть ночных минут...

Утром не умирают,
Утром живут, живут...

Утро раздвинет стены,
Окна откроет в сад,
Пчелы из первой смены
В комнату залетят.

Птицы разбудят пеньем
Всю глубину двора,
Чей-нибудь день рожденья
Будут справлять с утра.

Только бы до рассвета
Выдюжить как-нибудь...
Утренняя газета
В новый поманит путь.

Да позвонят из дому,
Справятся:
 «Как дела?»
Да навестит знакомый...
Только бы ночь прошла!

Тени в углах растают,
Тяжесть с души спадет.
Утром не умирают —
Солнце начнет обход!

1954—1955

МОСКВА — ВОЛОГДА

С каждым часом ощутимей север,
Остановки реже,
Гуще лес,
Пахнет смолкой вперемежку с сеном,
И все больше узнается мест.

Торопясь, схожу на полустанке,
Словно на приветный огонек,
Чтобы взять за рубль у северянки
Влажной клюквы маленький кулек.

Для меня все ягоды здесь сладки.
И приятно, и смешно, что их
Продают в листочках из тетрадки
Иль в обрывках «Жития святых».

Замелькали топкие болота
С голубыми окнами озер,
Наконец — подъем за поворотом,
И пошел густой сосновый бор,
Строевой,
В косых лучах по пояс,
Золотом пронизанный насквозь...
Словно к морю вдруг пробился поезд,
Даже небо выше поднялось.

Дома я!
На все гляжу с любовью,
Радостно от птичьих голосов.
Никакие парки Подмосковья
Не заменят мне моих лесов.

Радуюсь обновам животворным —
Домнам,
Трубам, влитым в синеву,
Плеску волн на море рукотворном,
Лесосекам с грохотом моторным...
И одним все —
Нежным и просторным,
Добрым словом В о л о г д а зову.

Дома я!
И сердце бьется с силой.
Мимо, мимо — за верстой верста...
Что кому,
А для меня Россия —
Эти вот родимые места.

ЗЕМНОЙ ПОКЛОН

Спасибо тебе, Блудново,
Деревня в лесной глуши:
Я начал писать здесь снова,
А это — хлеб для души.

Немало в стране хороших
Углов — приезжай, гости! —
Куда и добраться проще,
И меньше узлов везти;

Есть Талицы-речки всюду,
И если не озеро — пруд,
Повсюду рыбешку удят
И уток и зайцев бьют;

Конечно, и для здоровья
Места благодатней есть...
Но вырос-то я в Блуднове,
С землей породнился здесь.

Здесь хата моя не с краю.
Я с детства
Не как-нибудь
Тут каждую душу знаю
И чувствую —
В этом суть.

Зимою — по снежным завалам,
Весною — по грязи вброд
Кидает меня пешедралом
На север из года в год.

И пусть иногда сурова
Ко мне родная изба,—
Я тутошний,
Из Блуднова,
И это моя судьба.

1958

ЛЮБЛЮ ВСЕ ЖИВОЕ

Когда-то и я не убить не мог,
Что б ни летело над головой.
Садился за весла — ружье у ног,
Шел в чашу — заране взводил курок,
На жатву брал дробовик с собой.

Стрелял и коршуна и воробья,
Не разбираясь — друзья? враги?
А ныне
На ток хожу без ружья,
Катаюсь на озере без острогй.

Доверие птиц умею ценить.
Бывает легко на душе, когда
Случайно удастся жизнь сохранить
Птенцу, упавшему из гнезда.

Себя самого узнать не могу.
Осинки в лесу зазря не срублю,
В корнях родничок, что клад, берегу,
На муравейник не наступлю,—
Люблю все живое,
Живых люблю.

1959

* * *

Не верю, что звери не говорят,
Что думать не могут певчие птицы,
Что только инстинкты у хитрой лисицы
И пчелы не знают, чего творят.

Попробуйте в роще уединиться,
 Укрыться под хвойный густой наряд
 Да вникнуть в жизнь, что шумит вокруг,
 Предубежденность на время откинув,—
 И в сердце не будет места гордыне,
 Вас трепет и робость охватят вдруг.

Достоин ли царя природы делить
 Всех в мире живущих
 На высших и низших?
 Порой и владыки разумом нищи.
 Все относительно, может быть?

Высокомерие не к лицу
Ни великану,
Ни мудрецу.
В сосновом бору,
В березовой роще,
Где так многогранно желание жить,

Мне, сильному, только добрей, и проще,
И человечней хочется быть.

Мы видим не все со своей горы,
Чудес неоткрытых еще немало.
Боюсь, чтоб кичливость не помешала
Нам постигать иные миры.

1959

* * *

Тишина над рекою,
Над равниною вешней.
Наслаждаюсь покоем
И ходьбою неспешной.

Никаких заседаний,
Среди птиц — сам как птица.
Солнце без опозданий
И встает, и садится.

Многослойная хвоя
Укрывает от зноя.
Но в трущобе таежной
Мне, как в детстве, тревожно.

Черный сук отгибая,
Чую даже спиною:
Сотни глаз не моргая
Наблюдают за мною.

Выжидают,
Гадают,
Не боясь, что обидят:
Все, что думаю,— знают,
Все, что делаю,— видят.

Ну и пусть! Я же дома.
Припадаю к стволине.
Мох хрустит, как солома
В пересохшем овине.

И глаза закрываю,
Ничего знать не знаю.

Эти птицы и звери
Мне-то
С детства знакомы...
Затаились, не верят,—
Ну и пусть:
Я же дома!

1958—1967

ПИСЬМО В «ЛЕСНУЮ ГАЗЕТУ»

Памяти Виталия Бианки

Мы безмерно богаты.
В наших чащах и рощах
Столько всяких пернатых —
Просто диву даешься.

Но спросите иного,
Что он знает о птицах,
Пусть ответит толково,—
И, гляди, удивится:

Как же, фауна, дескать,
Как же, наше богатство —
На полях, в перелесках,
Так сказать, птичье царство...

Птичье царство — и только?..
Ну, дрозды,
Ну, синички...
Где запомнишь все клички,
Просто птички — и только!

Стоит в лес углубиться —
И уже как не дома:
Словно мы за границей —

Незнакомые лица,
Языки незнакомы.

Как слепые, плутаем,
Будто глухи отроду.
И еще утверждаем,
Что мы любим природу.

А цветы разве знаем
На лугах?
Разве ценим?
Все травой называем,
А подкошены — сеном.

И с деревьями то же:
Роща в общем и целом...
Ель от пихты не можем
Отличить, грешным делом.

То же с рыбой:
Веками
Счет ведем косяками,
Густера иль сорожка,
Все едино — рыбешка.

Лишь царям по рожденью,
Как во всем, предпочтенье:
Знаем розу-царицу,
Льва-царя
Да царь-птицу...

И, конечно, тревожно,
Что порой мы безбожно

Не храним, что имеем,
Не щадим,
Не жалеем.

Ни за что не в ответе,
Словно самую малость
Нам на этой планете
Жить и править осталось.

Не хозяева вроде,
Так добро свое губим.
А гордимся природой
И отечество любим.

1960

ЮГ-РЕКА

Я услышал песенку с эстрады
Про свою родную Юг-реку
И недоуменья и досады
Отвести от сердца не могу.

Мол, не широка, не знаменита,
Ни в одну поэму не вошла,
Словно и доньше не открыта
И течет, как сотни лет текла.

Спели песню, не передохнули.
Следующий номер — циркачи...
А ведь жизнь мою перечеркнули,—
Хоть из зала голосом кричи.

Никому я в счет обид не ставил,
Все ж позвольте молвить земляку:
Что же я и делал, коль не славил
Светлую, как слезы, Юг-реку!

1958

* * *

Я встретил женщину.
Была она
Почти стара
И так измождена,
Что я смотрел, смущен и поражен:
Ведь я когда-то был в нее влюблен.

Усталая, она не шла — брела.
А уж какою сильною слыла,
Каким цветком росла среди полей,
Какие парни бегали за ней!

Мне стало жаль ее — любовь мою.
— Узнала ль? — спрашиваю.
— Признаю,
Как не признать? —
И, голову склоня,
Участливо взглянула на меня.

— Теперь уж что! Былого не вернешь.
А хоть сказал бы — каково живешь?
Был на войне-то?
— Был.
— Вишь... уцелел.
Но до чего ж ты, милый, постарел!

1958

* * *

Страшно любить и быть нелюбимым,
Жить с людьми,
А слыть нелюдимым,
Страшно недруга боготворить,
Правдою клясться
И зло творить.

Но я не знаю страшной мученья,
Коль пропадает к работе влечение,—
Руки людские
И душу жаль:

Вдруг непослушным станет рояль,
Для живописца померкнут краски,
Скульптор на глину глядит с опаской,
Мрачен ученый — прозренья нет,
И не подходит к столу поэт.

Все как болезнь.
А есть ли лечение?

Только терпенье, одно терпенье:
Выдюжить, выждать —
И в свой черед
Все образуется, боль пройдет.

1959

ОРЕЛ

Из-за утеса, как из-за угла,
Почти в упор ударили в орла.

А он спокойно свой покинул камень,
Не оглянувшись даже на стрелка,
И, как всегда,
Широкими кругами,
Не торопясь, ушел за облака.

Быть может, дробь совсем мелка была —
Для перепелок, а не для орла?
Иль задрожала у стрелка рука
И покачнулся ствол дробовика?

Нет, ни дробины не скользнуло мимо,
А сердце и орлиное ранимо...
Орел упал,
Но средь далеких скал,
Чтоб враг не видел,
Не торжествовал.

1956

* * *

Весна, куда ни кинешь взгляд.
В ночь вызвездило, приморозило,
А днем, как много раз подряд,—
Что ни поток, то водопад,
Любая лужа будто озеро.

Хоть на день каждый ручеек
Сравняться с речкою пытается.
Уже и зелень пробивается...
Что нового?
Да ничего!
Все ежегодно повторяется.

И птичий свист среди лугов
Любого умиляет умника;
И синева без берегов;
И над рекою рев гудков...
Где ж откровенье?
Где изюминка?

Чем вас порадовать, друзья?
Что описать вам?
Все извечное...

Но я готов с утра до вечера
Сидеть у шумного ручья,
Хоть и смотреть как будто нечего.

1958

НА ПРОТАЛИНАХ

Все, что было на землю
Нерадиво брошено,
Втоптано
И за зиму
Снегом запорошено,

Спилено, повалено
И забыто в стужу,—
Первые проталины
Вынесли наружу.

Вдоль всего селения,
Вплоть до горизонта,
Новые строения
Требуют ремонта.

Выкрашены наскоро,
От дождя бледнея,
Плачут стены краскою
Клеевой
без клея.

С темных крыш полезло
Ржавое железо...
О внимание к людям
Не по сводкам судим.

Черный снег как вымело.
Солнце

нам в угоду
Все огрехи вывело
На чистую воду.

Но зато все ладное
Жарче засверкало
И еще наряднее,
Ненаглядней стало.

1956

ГОСТЬ

В родное село из столицы
Наведался знатный земляк.
Народу в избе — не пробиться,
Слезу прошибает табак.

Вот жил паренек пухлогубый,
Как все,
На подножном корму.
А ныне — что шляпа, что шуба...
И все будто впору ему.

Стоит у печурки в сторонке
Совсем оробевшая мать,
Не знает — искать самогонки
Или самоварчик подать.

Метнуться б к сынку, прослезиться
С открытой, как раньше, душой,
А вот не посметь,
Не решиться:
Начальник, поди-ко, большой!..

1958

ЗАМОРОЗОК

Едва раскрылись первые цветы,
Доверчиво оттаяла природа,
Как снова — вероломство, непогода,
И холодомдохнуло с высоты.

Поутру иней землю обволок,
Черешенка поникла и поблекла,
По мерзлым глыбам застучал ходок,
И в колеях ледок хрустит, как стекла.

Душа дрожит от боли и тоски,
Чуть глянешь на сады, на огороды,
Где, забывая молодые всходы,
Опять ползут и лезут сорняки.

А все ж весна выходит из запруд.
И пусть скворцы попрятались в скворешни —
Не задержать напора соков вешних,
Не онемеют птицы,
Не умрут.

1959

* * *

Промыли в окнах стекла
Студеною водой,—
Весь мир казался блеклым,
Теперь он молодой.

Как будто бы промыли
Самим себе глаза.
Яснее проступили
Окрестные леса.

Не спутаешь с осиной
Березки нежный дым,
Речушка стала синей,
А небо — голубым.

Идет дорога прямо
По краю целины,—
Теперь на ней все ямы,
Все рытвины видны.

Видны людские лица,
Луга, поля вокруг,
И где растет пшеница,
А где сплошной овсюг.

И что всего дороже —
В домах моих друзей
Светлее стало тоже,
Промыты окна все.

1959

* * *

Всполошились над лесом воробны,
Разгласили окрест:
«Всем! Всем!»
Мол, разлегся в бору зеленом
Человек — не поймешь зачем.

Взбудоражены криком тревожным,
Навещать стали звери меня.
Даже лис, на что осторожный,
Тоже выглянул из-за пня.

Невпопад, как из сказочной пуши,
На лосенка похож,
Со всех ног
Налетел на меня заблудший
Мокрогубый чей-то телок.

Любознательна до смешного,
Белка цокнула над головой:
Ну, разлегся, и что ж такого?
Может, здесь и жизнь для него.

Впрямь — живу!
О вчерашнем, зряшном
Позабыл в родной стороне.
Значит, я не такой уж страшный,
Если звери идут ко мне.

А ворóны?..
Да ну их к богу!
Я ж в своем, не в чужом бору.
Пусть кричат, поднимают тревогу —
Я от карканья не умру.

1958

В ЧУЖОМ КРАЮ

Я вскочил, как от сна дурного,
От знобящего ветра с реки.
С кем, друзья, не бывало такого?
Сосны стонут,
А с неба ночного,
Как чужие, глядят огоньки.

На душе неуютно, тревожно,
Будто здесь обрывается свет:
И назад повернуть невозможно,
И вперед указателей нет.

Очертанья земли незнакомы...
Но внезапно, обрадовав слух,
То ли из лесу,
То ли из дому
Загорланил совсем по-родному,
По-российски,
По-свойски петух.

Так взревел отрешенно и зычно,
Что леса посветлели вокруг,
И уже совершенно привычным,
Чем-то очень приятным,
Брусничным,
Как из детства, повеяло вдруг.

Словно душу мою воскресили,—
Много ль надо ей добрых примет?
Лишь бы в срок петухи голосили —
И повсюду со мною Россия,
И нигде не кончается свет.

1959

ТЕТЕРЕВ

Тороват, неотразим, лукав,
Словно первый парень на селе,
Он бродил среди цветов и трав,
От своих удач навеселе.
Красовался,
Ягоды клевал
И тетеркам голос подавал.

Ни одной пред ним не устоять:
Всё под силу,
Всё ему под стать,
Молодому, в стае равных нет,
На одном на нем стоит весь свет.

Хвост расправил,
Зоб раздул,
Взлетел,
Оглядел окрестный березняк
И к тетерке на сучок подсел —
Расфранченный,
Дураком дурак.

Сел он против моего ствола,
А тетерка чучелом была.

1959

ЗАЙЧОНОК

Бродил охотник по тайге с утра,
Промок, продрог,
Валила с ног усталость,
А так и есть — ни пуха, ни пера
На поясе его не оказалось.

Уже смеркалось, и во все углы
Вползал туман, промозглый, неуютный,
Как вдруг на тропку, прямо под стволы,
К ногам шмыгнул зайчонок шалопутный.

Сначала показалось — повезло.
Охотник выстрелил, почти не глядя,
Сорвав на нем, на маленьком, все зло,
От неудач скопившееся за день.

Но смолкло эхо, пыл его остыл,
И сердце стиснула до боли жалость.
Конечно бы, зайчонок жил и жил,
Когда б не раздражение, не усталость.

Ведь не за ним звала его тайга,
Не для него сухим хранился порох.
Зачем он, слабый, сунулся к ногам
В такую незадачливую пору?

Охотник помнит, хоть прошли года,
Глаза раскосые, подшерсток белый
И тот недобрый, стыдный день, когда
Его душой жестокость овладела.

1956

ИСПОВЕДЬ

Я много писал про охоту,
Рассказывал больше того
Про зорьки в лесах, на болотах,
Про меткость ружья своего.

Но молодость на исходе,
И совесть велит:
«Не таи,
Держи ответ на народе
За все прегрешенья свои!»

Наверно, нельзя не стыдиться,
Но надо ж и правду любить:
За всю свою жизнь

ни лисицы,
Ни волка не смог я убить.

Хвалился,
А все же к победам
Касательства не имел.
И что говорить про медведя —
Косули не одолел.

Безвредный, трусливый зайчишка,
Бывало, свисает с плеча,
А сходит он в розовых книжках
За рысь да за сохача.

В охотничьем вдохновенье
Я братьев по шалашу
Вводил, так сказать, в заблужденье...
Но вот что заметить прошу:

Я сам себе верил при этом,
Впадая почти в забытье,
Как верят одни лишь поэты,—
И в том оправданье мое.

1958

ВСЕ МОЖЕМ

Порой поскитаешься
Вдали от Москвы
И сам похваляешься:
— Вот мы каковы!

Моря рукотворные
Шумят там и тут,
Отрогами горными
Плотины встают.

Все можем:
Мы молоды,
И все — впереди.
Излишние в Вологде
Умерим дожди.

Дай срок, и на севере,
В торосах почти,
Чего б ни посеяли —
Все будет расти.

Все можем!
Вселенную,
Чтоб больше квартир,
Сдадим к заселению
Под наш новый мир.

Без устали трудимся...
Но вот о чем речь:
Когда ж мы научимся
Друг друга беречь?

1958

* * *

И я обманывал,
И мне, бывало,
Достоинство мужское изменяло,
Себя обкрадывал утехи ради
И часто с совестью своей не ладил.

Быть может, те, которых я обидел,
Теперь ни в ком святой любви не видят.
Легко ли для обманутого сердца
Решиться вновь доверчиво согреться?

Что бесконечно каяться?
Ведь снова
Жизнь не начать, не изменить былого,
Не замолить вины своей...
Я ныне
Пекусь уже не о себе — о сыне.

Пусть он грехов отца не повторяет,
Большой любви ни в чем не изменяет,
Ни в чьих глазах не будет лжив и мелок
И с совестью не заключает сделок.

1958

НЕУЛЫБЧИВОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Не могу мириться с немотой,
И со слепотой,
И с глухотой.
Разве не весенняя пора?
Разве птицы не поют с утра?
Не настало время, чтоб любить?
Или трудно человеком быть?

Что же ваши властные черты
Не смягчаются от доброты?
Не проник к вам даже шум лесной...
Иль старик вахтер всему виной?

Прописной, бумажный мир души
Свежий ветер не разворошил:
Смотрят два совиные стекла
Из-за канцелярского стола.

Не смирюсь я с этой пустотой,
С вашей глухотой,
Непрямотой.
Хочется сердечной теплоты,
Красоты душевной,
Чистоты.

Не расстанусь со своей мечтой.

1959

СНЫ

Мы и во сне себя обманом тешим.
Сны повторяются:
Одни люблю,
Те, в коих я и молод, и безгрешен,
Другие — ненавижу, не терплю.

Вот сон:
Шагаю вдоль села родного
Среди своих угрюмых земляков,
Творю добро:
Кому-то брошу слово —
И людям жить становится легко.

Или еще:
Над пожнями, над полем,
Раскинув руки, как орел, лечу,
Землей, и небом, и собой доволен, —
Под силу все, чего ни захочу.

А ныне злой меня замучил сон,
Болезненный, он тянется часами.
Все неизменно в нем:
Она и он
И сам я
Со своими кулаками.

Она уходит от меня к нему.
К кому — не знаю, вижу, что уходит
Решительно,
При всем честном народе, —
Нет меры униженью моему.

Согнуть! Сломать!
Оправдан гнев любой.
Не до добра мне —
'Душит оскорбленье,
Бессилье...

А приходит пробуждение —
Стыжусь себя:
Я был самым собой.

1958

* * *

Опять я целый день негодовал,
С дельцами, не с поэтами, встречаясь.
Опять в газете не пошел подвал —
С казенным слогом все не уживаюсь.

Опять пришлось с людскою маею
Столкнуться в министерских коридорах.
В глазах рябил сухой бумажный ворох,
И не мирилась совесть с немотой.

А все, что сразу высказать не смог,
Чем вся душа была до боли сжата,
Принес к своей любимой на порог.
А чем она, родная, виновата?

Еще в передней грянула гроза.
Попробуй сладить с этим раздраженьем!
И добрые, печальные глаза
Глядели на меня с недоуменьем.

Как будто бы в густом лесу я сам
Тугую ветку оттянул упруго,
И вот она хлестнула по глазам
Ни в чем не провинившегося друга.

1958

ПАМЯТЬ

По вологодскому Заречью
Бродил я вечером,
Как вдруг
Счастливый кто-то мне навстречу
Метнулся с криком:
— Здравствуй!.. Друг!..
Забыл?..
— Да нет же! — отвечаю
И что-то мямлю про года,
А сам мучительно гадаю:
Где с ним встречался
И когда?

Лицо знакомо.
Голос тоже...
И как неловко стало мне,
Когда припомнил, сколько прожил
Я с ним в окопах на войне.

А то еще — оторопею
И, как собрату своему,
Отъявленному лиходею,
Бывало, крепко руку жму.

Все чаще память изменяет,
Подводит.

Вот опять — пробел...
Но из нее не исчезает,
Что сам бы я забыть хотел,—

Такое, что душе не мило,
Чего нельзя себе простить,
Что, к сожаленью, в жизни было,
Хоть не должно бы вовсе быть.

Нередко правдой поступался,
Не делал все, что сделать мог.
И обижал,
И обижался,
Помочь хотел, а не помог.

Дурным поступкам нет забвенья,
Да и прощенья нет,
Когда
Их судишь сам без снисхожденья,—
На свете горше нет суда.

1958

* * *

Боюсь любви, а не любить — не жить,
Не вдохновляться и не волноваться.
Ужели так всю жизнь по-волчьи выть,
Звать к примирению,
А встреч бояться?

Тебя ли мне, недобрую, не знать!
Но ты иной встаешь в воображение —
И не могу не тосковать, не ждать.
Хоть знаю, знаю:
Все равно опять
Не будет счастья...
Что за наваждение!

1959

РАЙОННАЯ КРАСАВИЦА

Деревня.
Зори вешние.
Живу среди болот.
И вдруг навстречу грешному
Походкою неспешною
Красавица идет.

Идет-плывет по улице,
Спускается с высот,
Сама собой любитесь,
Сама себя несет.

Наверно, из районного
Никольска-городка.
У платица фасонного
Рукав до локотка.

Идет, как землю щупает,
Обувочкой форсит,
И семечками хрупает,
И глазками косит.

И, затаив дыхание,
Все, сколько есть, ребят
За нею с расстояния
Испуганно следят.

Готовы в драку броситься,
Готовы — с места в пляс.
Уж так она им по́ сердцу,
По нраву —
В самый раз.

А мне, прошу прощения,
Давно знакомы все
И эти ухищрения,
И эти украшения
При девичьей красе.

Меня как не касается
Ее надменный вид...

И, оробев, красавица
В глаза мои глядит.

1959

* * *

Все земное
 могучим
Распускается цветом.
Только ивы плакучи
Как зимой,
Так и летом.

На опушке — проселок,
След колхозной трехтонки.
Оклик перепелок
Оглушительно звонки.

И цветы.
Их так много —
Диких, северных, пышных.
Тоже все на дорогу
Словно б из лесу вышли.

Вдруг поднимется ветер...
Но зачем мне все это,
Если нет тебя, нету
И не знаю я — где ты?

Все не в радость, не в диво.
Мир тобой не озвучен.
Знать, поэтому ивы
Даже летом плакучи.

1958—1967

СПОКОЙНЕЕ ВДВОЕМ

Мы не видались много лет,
И он кричит жене:
— Давай, любимая, обед!
Дружок пришел ко мне.

Неси закуски и вина,
Пускай запасы в ход!..—
И расторопная жена
По комнатам снует.

Из голубых, из ясных глаз
Тепло струят лучи,
А в кухне в три конфорки газ
Шумит, шипит, шкворчит.

И мне припомнился на миг
Наш холостяцкий быт —
Три раскладушки, угол книг,
Газетой стол накрыт,

Кривая старая скамья
Да табурет — на круг...
— Ну вот мой дом, моя семья.
Смотри! — хлопочет друг.

Семья, как видно, не мала,
Согласьем дом богат.
С десяток стульев вокруг стола
Под люструю стоят.

Гора игрушек —
Ватный дед,
Малиновый голыш,
Слон, заводной мотоциклет
И заводная мышь.

Да крутится у самых ног
Пушистый колобок —
Собачка, ростом с ноготок,
Конечно, детский бог.

— Ну что ж, все правильно, друзья,
Откуда ни взгляни,
Добро живете!
Где ж семья?
— Да мы, дружок, одни.

— Как так одни? А дети где? —
Спросил и сам не рад:
Быть может, о большой беде
Напомнил невпопад.

Но друг светло в глаза глядит.
— Мы без детей живем.
Работы много, — говорит, —
Спокойнее вдвоем.

С игрушками чудит жена,
Порой заводит их,
А так — порядок, тишина,
Все на местах своих...

Признаюсь, я оторопел,
Неловко стало мне,

Несладко пил, невкусно ел
В бездетной тишине.

«Вдвоем — какой же это дом,
Какая, брат, семья!..»
И на хозяйку с холодком
Взглянул, признаюсь, я.

Но показалось — и она
Немного смущена:
Сидит, не трогает вина
Счастливая жена.

Игрушки ли для этих рук,
Для этих глаз нужны?!
Ее мне стало жалко вдруг.
— У заводного счастья, друг,
Пружины не прочны...

1954

ЧУДО-САБЛЯ

Подарил я родному сыну
Чудо-саблю:

— Носи, пострел! —
С полчаса он ее вертел,
А потом сломал и откинул,
Словно палку простую откинул,
Не заплакал,
Не пожалел.

Мне бы в детстве саблю такую,
Чтоб по росту и по руке,
В золоченых ножнах,
Кривую,
С красной кисточкой на шнурке!

Неожиданную обнову,
Как награду бы я берег,
С ней носился бы по Блуднóву,
Под собою не чуя ног.

И учил бы, пусть неумело,
Босоногих своих друзей,
Как стоять за правое дело,
Вызволять из беды людей.

Не давал бы своих в обиду.
А друзья у крыльца гурьбой

Утром ждали бы:
Скоро ль выйду
И когда поведу их в бой?

Может, вся бы жизнь по-иному,
У меня с той поры пошла,
И любовь моя к отчому дому
Не такой бы грустной была...

Нет, не сабли сломанной жалко.
Я встревожен, что мой сынок
Ничего, кроме крашеной палки,
В этом чуде увидеть не смог,

1958

МАТЬ

Нашумела, накричала,
Настегала чем попало:
— Все постыло! Сил не стало!
Нет от вас житья! —
Села в угол, зарыдала
И просить прощенья стала.
Просто очень ты устала,
Бедная моя!

Не волнуйся, успокойся,
Вот тебе вода —
Умойся,
Отдохни,
За нас не бойся —
Подрастет семья.
Ну, прибила... Что ж такого?
Не со зла ведь,
Не чужого.
И зачем же слезы снова,
Добрая моя?

1958

МЕНЯ ДОБРУ УЧИЛА ВСЯ РОДНЯ

К сиротской доле относясь с участием,
Меня добру учила вся родня,
Дед за неправду взыскивал
с пристрастьем,
Крапивой жег —
Обидней нет огня.

Бывало, мать прибьет
И в одночасье
Сама ревет, судьбу свою кляня:
— Живи по чести,
С совестью в согласье!..—
Она хотела, чтобы сын был счастлив...

А ты? Чего ты хочешь от меня?
За что, родимая, казнишь меня?

1959

* * *

Да, отзывчивая, да, сердечная!
Не боюсь, что слова ходячие.
Доброта ее бесконечная
Ставит на ноги искалеченного,
Превращает слепого в зрячего.

Да, горой встает за обиженных,
Добивается невозможного;
Из какой-то заморской хижины
Вздых дойдет —
Уж она встревожена.

Бескорыстье ее широкое
Всеми встречными прославляется;
Выручает чужого, далекого...

И не видит, что тут же, около,
Свой, родной человек терзается,
По ночам себя травит махоркою,
От душевных мук не отвяжется...

Может, ей простодушно кажется:
Никакое, мол, горе горькое
Рядом с нею жить не отважится?..

1958

Странно,
Ты стала какой-то стыдливой,
Словно бояться меня начала:
Разве теперь уже некрасива?
В юности разве иной была?

Ты для меня навсегда желанна,
Так же люблю, как в былые года,
И непрестанно,
И неустанно.
Что же от глаз моих прячешься?
Странно...
Ты для меня и теперь молода.

1959

* * *

Ты такое прощала,
Так умела любить,
Так легко забывала,
Что другим не забыть;

На такие лишенья
С отрешенностью шла,
С чисто русским терпеньем
Крест свой бабий несла;

Так душой понимала
Боль его и беду,
Что, конечно, бывала
И в раю, и в аду.

А ни вздохов, ни жалоб,—
Было б счастье в дому.
Даже смерть оправдала б
И простила б ему.

Только лжи не стерпела,
Лжи одной не снесла,
Оправдать не сумела
И понять не смогла.

1959

ТОЛЬКО ЖИВИ!

Только живи, ничего не надо,
Связей земных до срока не рви,
Не оставляй семью без пригляда;
Скоро подсохнут дорожки сада,—
Только живи!

Солнце красно и зимою выужной,
Что за беда — холодок в крови,
Юности вечной мне и не нужно;
Не тяготись своим видом недужным,
Просто — живи!

Нет, не зазря растрочена сила,
Все отдала ты заботам любви,
Все, что имела,—
Себя не щадила.
Будь же и впредь послушной и милой,
Великодушной —
Живи!

1959

ХОЧУ ВЕСНУ!

Весна возникает не сразу, не вдруг,
Как звук, нарастая издалека —
Из недр снеговых,
Из неясных мук;
Весна начинается с влажных выюг,
С прибавки неслыханной молока,

С тоскливого ржания рысаков,
С надрывного крика вороньих стай;
Еще не выходит из берегов,
Но рвется,
Но бьет волной через край.

И сколько к смиренью себя ни зови,
Как воздержаньем сердца ни мучь —
Весна поднимает пену в крови,
Теплом пробивается из-за туч.

На ранней заре,
Среди бледных звезд,
Глухарь, заикаясь, точит тайгу —
Опущены крылья,
Развернут хвост, —
И я, как на праздник, к нему бегу.

Луна в отраженье речных глубин,
Как рыба, мечет икру в синеву,

И я,
В синяках от гремящих льдин,
За ней по широким плесам плыву.

Все ухищренья ума не впрок,
Опять не до выдержки,
Не до сна,
Оттаяло сердце,
Пришел мой срок.
— Сдавайся, сдавайся! — кричит весна.

Сдаюсь! —
Мне еще не тысяча лет.
Сдаюсь! —
Восхищенно руки тяну
Туда, где цветенье,
Туда, где свет,
К весне моей, к счастью.
Хочу весну!

1958—1959

ТВОЯ РОДИНА

Все испытала, все превозмогла —
Года тяжелых рукопашных схваток,
И выстрелы врагов из-за угла,
И длинные хвосты у продпалаток.

«Великая!» — мы говорим о ней,
Даем присягу в верности сыновней
И воспеваем с пристальной любовью
Березки, речки, ширь ее полей.

А все ли помним
И всегда ль
 о том,
Что родина была, и есть, и будет —
Не только реки, горы, отчий дом,
Не просто небо и земля,
А — люди?

Все те, что — рядом, под боком у нас,
И — далеко,
 чужие нам по крови,
И все они нуждаются подчас
В тепле, в участие,
В братском добром слове.

С любимым ты мог служить в одном полку,
Делиться на походе сигаретой,

* * *

В несметном нашем богатстве
Слова драгоценные есть:
 Отечество,
 Верность,
 Братство.
А есть еще:
 Совесьь,
 Честь...

Ах, если бы все понимали,
Что это не просто слова,
Каких бы мы бед избежали,
И это не просто слова!

1957.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

А разве кто сомневается
В том, что Земля вращается,
Что время свое берет?
Добреет и оснащается
Отчизна из года в год.

Добрее и совершеннее
Становится человек.
И нас, мой друг, без сомнения
Дорогами преображения
Ведет непреклонный век.

Не смять никаким обстоятельствам
Любви нашей к красоте,
К душевной чистоте.
Одно у нас обязательство —
Не изменять мечте.

Давай же будем правдивыми
И впредь
Во всем
До конца:
Бренчаниями фальшивыми,
Писаниями хвастливыми
Не разогреть сердца.

Во имя грядущего нашего
Попробуем не приукрашивать
Ни мыслей своих, ни заслуг,
Ни прошлого, ни настоящего.
Ужели не сможем, друг?

Ужель и с такими близкими,
Родными,
Как мы с тобой,
Нельзя до конца быть искренним,
Доверчивым и невыспренным,
Простым,
Как с самим собой?

1959

ПО СВОЕЙ ОРБИТЕ

Я как будто родился заново,
Легче дышится, не солгу,—
Ни себя, ни других обманывать
Никогда уже не смогу,
Если б даже хотел, не смогу.

Жизнь при всех ее изменениях,
Мир во всех его измерениях
Для меня теперь по плечу,
Сам за все отвечать хочу.
Так свободны мои движения,
Словно в первый раз от рождения
По своей орбите лечу.

Не вещун
И не старый с виду я,
Так же в праведники не гожусь,
Только больше к людям тянусь.
И горжусь:
Никому не завидую,
За непризнанных не боюсь.

Боль чужую все глубже чувствую,
Не могу пьянеть без вина,
Не польщусь на славу стоустую,
Коль без пользы людям она.

Ни к безверию, ни к сомнению
Не причастна душа моя,
Просто стало острее зрение:
Повзросло мое поколение,
Вместе с ним повзрослел и я.

1959

*Посвящаю
Бобришному Угору*

БОСИКОМ ПО ЗЕМЛЕ

ЧИСТЫЙ БОР

Чистый бор — он мелколесьем был,
Не годился даже для охоты,
А какую гриву распустил —
В поднебесье хвоя, будто соты.

Дом отцовский — как он был высок,
А теперь смотрю:
Изба избою!
Как в блиндаж, ступаю за порог,
Стукаясь о верхник головою.

Кто из нас тянул тяжелее воз,
Кто больней скрипит от непогоды:
Отчий дом с годами в землю врос
Или вырос я за эти годы?

1962

МЫ УЖЕ БОЯЛИСЬ

Зря ты не приехал в эту осень —
Родина ведь, что ни говори,
Пишем, пишем,
Просим, просим...
Может, прячут в стол секретари?

А уж сколько было красных ягод!
Не согрем —
Лопатами гребли.
Наварили бы варенья на год
И другой бы снеди запасли.

Наросло грибов на удивление:
Вот не сей
И землю не паши,
А одно — ищи, соли, суши...
Как у вас там нынче со снабженьем,
Не скудаешься ли?
Сообщи.

Не послать ли мелких, из отбора,
Рыжичков,
Чтоб вспомнил о родне?

Упустил ты золотую пору.
Белых тоже набирали горы —

Даже на лугах, на косогорах...
Мы уже боялись:
Вдруг к войне?

1962

ЗАПАСАЕМСЯ СВЕТОМ

Федору Абрамову

В край добра и чудес
С прежним рвусь интересом.
Я из тех самых мест,
Где семь верст до небес —
И все лесом
Да лесом;

Где в затонах озер
Лебединые крепь,
Тундры снежный простор —
Вроде южные степи;

Где ветров ералаш
Да сумёты по пояс
И, как пригород наш,
За Архангельском —
Полюс.

У полярных широт
Быт порою неласков,
Не всегда мед течет
По усам
Даже в сказках.

Грех на море пенять —
Рыбы вдоволь,
А все же
Золотую поймать
Не случилось,
Не можем.

Не всегда на обед
Апельсины
И дыни.
Неразменных монет
Тоже нет и в помине.

Рукавицы в мороз
Прикипают к ладоням.
С храпом тянут свой воз
И олени,
И кони.

Слава наша хрупка,
Вечны только мерзлѳты..
Но моим землякам
Любы эти широты.

Ночи долги невмочь.
Но зато мы уж летом
На всю зимнюю ночь
Запасаемся светом.

1963—1964

ПОРА И МНЕ

Журавли улетают,
Пора и мне.
Осень листья сжигает
На желтом огне.

Ветер рвет их и мечет,
Расстилавает холсты,
На кустах, будто свечи,—
Щеглы,
Клесты.

Лен темнеет на стлицах,
Собрать бы успеть!
Рыба омуты ищет,
Берлогу — медведь.

Даже мыши-полевки
Спешат,
Гнезда выют.
Все боятся зимовки,
Всем дорог уют.

И друзья мои тянут
На юг, на юг,
Ближе к теплым лиманам —
От морозов и выюг.

Что ж, у всех свое.
Вижу,
Пора и мне.
Только я хочу ближе
К Печоре,
К Двине,
К родной стороне.

1964

НА БОБРИШНОМ УГОРЕ

Завихряется стружка,
Пахнет ягодным бором.
Вырастает избушка
Над Бобришным Угором.

В получасе шаганья
От деревни Блудново
Жизнь моя, как сказанье,
Начинается снова.

Нет, не в пúстынь,
Не в пристань,
Лежебокам на зависть,—
В Чистый бор, как на приступ,
Рядовым отправляюсь.

Только дым закурчавит
Край небес над ущельем,
И поэзия справит
Здесь свое новоселье.

Есть мечта:
В удаленье
От сумятицы буден
Обрести птичье зренье,
Недоступное людям.

Буду схож с Змеедом:
Так отверзнутся уши,
Что душе станет ведом
Говор трав и лягушек...

Заходите, соседи
Из окрестных селений,
Не окажется снеди —
Угощу сочиненьем.

На Бобришном Угоре
Воздух свеж, будто в море,
Родниковые зори,
И ни с кем я не в ссоре.

Ни запоров не надо,
Ни замков,
Ни ограды.
Добрым людям избушка
Круглый год будет рада.

А объявится рядом
Кто с недобрым поглядом —
К тем она повернется
Не передом,
Задом.

1962

ОБНОВА

Вот и крыша готова,
Постланы пол, потолок.
Вырос в бору сосновом,
Среди лесных дорог,
Терем-теремок —
Охотничий домок.

Вставлены косяки,
Рамы остеклены,
Со стороны реки
Углы осмолены.

У теремка — крыльцо,
Вместо скобы — кольцо,
Желоб для водостока,
Даже конек налицо.

Все — чему сердце радо,
Все — для ума и души,
Детство и юность — рядом,
Рябчики
И поляши.
Большого в жизни не надо —
Только сиди
Пиши.

Летчик нанес на карту
Новый ориентир...
Весь этот хвойный мир
Мне к юбилейному марту.

Некуда больше рваться,
Не о чем тосковать,
С матерью буду встречаться,
С пеньем птиц просыпаться,
Жить, как учила мать...

1963

В БОРУ СЛУЧИЛОСЬ НЕВОЗМОЖНОЕ

В Блуднове появилось радио —
Поет,
Играет,
Митингует.
И до чего всех это радует
И как волнует!

В бору случилось невозможное:
Отбросив хвою,
 став столбами,
Сто сосен придорожных ожило
Под проводами.

И сквозь извечные, привычные
Лесные звуки
 вдруг под вечер
Пробились голоса скрипичные
И речи, речи.

Отныне стала небогатая
Изба,
 где столько лет я прожил,
Душе моей, навек засватанной,
Еще дороже.

И снова верится и чудится,
Что жизнь идет не стороною:
Когда-нибудь, наверно, сбудется
Все остальное.

1962

ВЕК НЕ ТОТ

Тот же дом под старой крышей,
Под окошком тот же снег,
Так же много ребятишек,
То же поле,
Тот же век.

Та же зыбка у печурки
С рычагом под потолком
И слюнявые окурки
В мусоре под голиком.

Все обычаи живучи.
Так же пышет печь теплом,
Так же сушатся онучи
На жерди перед челом.

И мои онучи сохли
Точно так же.
Жизнь как жизнь:
И клопы не передохли,
И сверчки не извелись.

Но, увидевшись впервые,
Мы с ровесником моим
Все проблемы мировые
За ночь переворошим.

Судим-рядим до рассвета
О последних новостях,
О космических ракетах,
Без конца — о запчастях.

А потом в колхозном клубе
Ночь проспорим не одну
О Китае и о Кубе,
О Лумумбе и У Ну...

Те же избы,
Те же печи,
Так же полон рот забот,
Но совсем иные речи:
Век не тот,
Не тот народ!

1962

БОСИКОМ ПО ЗЕМЛЕ

Солнце,
 спокойное, будто луна,
С утра, без всякой короны,
Смотрит сквозь облако,
Как из окна,
На рощу,
На луг зеленый.

От берега к берегу
Ходит река,
Я слышу ее журчание.
В ней — те же луна, луга, облака,
То же мироздание.

Птицы взвиваются из-под ног,
Зайцы срываются со всех ног.
А я никого не трогаю:
Лугами, лесами, как добрый бог,
Иду своею дорогою.

И ягоды ем,
И траву щиплю,
К ручью становлюсь на колени я.
Я воду люблю,
Я землю люблю,
Как после выздоровления.

Бреду бережком,
Не с ружьем, с батожком,
Душа и глаза — настезь.

Бродить по сырой земле босиком —
Это большое счастье!

1962

ПЕРВЫЙ ПТЕНЕЦ

Все за ночь раскисло,
Снега поползли,
И небо провисло
До самой земли.

Расселось,
Размокло...
Полны колен.
По крышам, по стеклам,
По сучьям — ручьи.

Разбухло,
Разлезлось...
Где нечет, где чет?
И всякая мерзость
В овраги течет.

И только все глубже,
Все чище вдали
Небесные лужи
По краю земли.

Да в чаше,
Да в роще,
У старых запруд,
Все слаще,

Все хлеще
Птицы поют.

Все гуще,
Все пуще...
И вот наконец
Проклюнулся в пуще
Первый птенец.

1965

СИВЕРКО

Дует сиверко.
Вечереет.
Скот под окнами месит грязь.
Овцы зябко и нудно блеют,
Будто жалуются, жалеют,
Что погода не задалась,
Осень рано подобралась.

И коровы мычат нутужно,
А могли бы и помолчать:
Стали в стойло — жуйте дружно,
Всех подоят.
О чем мычать?
И рогами стучать не нужно.

Или короток день осенний —
Не набили травой боков?
Им бы в ясли охапку сена!
С визгом лезут собаки в сени,—
Может, чуют близость волков?
Тьма сочится из облаков.

А еще беспокойней свиньи.
Петухи кричат невпопад...

Надо воду слить из машины:
Ночью, верно, выпадет иней —
Подозрительно красен закат.

1964

ЛЕСНЫЕ ДУГИ

О, эти дуги над дорогой
В краю синиц,
В краю клестов,
В краю снегов!
Их очень много,
Как над Москвой-рекой мостов.

Нет, не медведи дуги гнули,
Не леший,
Не лесовики.
Мороз стоял на карауле,
Лес обряжая в башлыки.

И ветер дул,
И по неделе,
Ворвавшись в строй молодняка,
Свистя, матерые метели
С землей месили облака.

И, как под тяжестью вселенной,
От напряжения белы,
То постепенно,
То мгновенно
Сгибались тонкие стволы.

Когда ж стихали шум и вьюга —
Лес был неистово красив,
Все дива севера и юга
В себе одном соединив.

Казалось, под давлением света
Свисали ветви сосен вниз,
Вершины елей, как ракеты
Под небом праздничным, рвались.

И всюду дуги, дуги, дуги —
Снегами стянуты концы:
Чуть тронь —
И вскинутся упруго,
И запоют колокольцы.

И всюду ходы, переходы,
Валы и рвы зимы самой...

И я —
Сам бог и царь природы —
Вхожу под эти чудо-своды
Почти испуганный,
Немой.

1962

НА ЗАЯЧЬИХ ТРОПКАХ

Зайца троплю,
Стужу терплю,
В снежных полях
Силу топлю.

Он — от меня,
Как от огня.
Перехитрить
Хватит ли дня?

Хоть бы залег
В ров или в лог!
Хоть бы мне бог,
Что ли, помог!

Зайца троплю,
Бога молю:
— Дай застрелю!
Дай застрелю!

Но и хвоста
Увидеть не смог:
Бог не помог,
Черт не помог.

Скидки, ходы
Туды и сюды:

Только следы,
Только следы.

Не доберу!
Не оцеплю!..

В снежном бору
Время гублю.

1962

ЖИЛИ-БЫЛИ...

Сказка лучше были,
Хоть порой и проще.
Как-то жили-были
Зайцы в нашей роще.

Жили любо-милу,
Хорошо им было:
Сухо, многолесно,
Тихо
И не тесно.

Добрые соседи
Не чурались заек,
Всем хватало снеди,
Солнца и лужаек.

По ночам питались,
За день отсыпались.
Думать о грядущем
Даже не пытались.

Как в своей усадьбе,
Жили — не тужили,
И справляли свадьбы,
И зайчат плодили.

В пику пересудам,
Не были трусливы...
И твердили всюду,
Что они счастливы.

Только навалилась
На косых немилосты
Рыжая лисица
В роще поселилась.

Рыжая лиса...
Тут и сказка вся.

1958—1961

СКАЗКА ПРО МЕДВЕДЯ

К тракту почтовому, как на площадь,
Вышел медведь из чащи, из рощи.
Вышел и замер от удивленья:
Кончился лес,
А вверху — гуденье.
Глянул медведь на столб, как на ствол,
И облизнулся:
Набрел на пчел!

Лето в разгаре, цветут поляны,
Запахи всюду пряны,
Медвяны,
А у медведя одна забота:
К сотам добаться б —
Медку охота!

Как говорится, вору все впору:
Кинулся зверь на электроопору
И, провода задев ненароком,
Грохнулся наземь, ужален током.
Небо — с овчинку,
По телу жженье,
А над башкой все то же гуденье,
То же роенье,
Хоть пчел не видно.
Что за проклятое наважденье!

Он же медведь.
Медведю обидно.

Взвыл —
И давай по земле кататься,
Лапами бить,
От мух отбиваться.
Не до колоды уже,
Не до меду,—
Только бы ходу,
В тайгу либо в воду.
Бился, катался,
К столбу прижимался..

А над медведем весь лес смеялся.
Вот каким горьким мед оказался.

1961—1964

РЯБЧИКИ В СНЕГУ

Рябчики в снегу,
В сухом,
Пушистом.
Поле чистым,
Берегом лесистым
На лыжах бегу.

Ход замедляю,
Ружье снимаю:
Сейчас застрелю
Иль живого поймаю.

Быюсь,
Гнусь,
Крадусь,
Вышагиваю,
А наткнуь —
Вздрагиваю.

Снег взрывается —
Рябчик взвивается
И сразу за ель,
За березу скрывается.
Просто издевается!

Ведь ничего
Нет недоступного:
Хотя б одного!
Хотя бы некрупного!

Комочек пушистый...
А небо морозное,
Закат огнистый —
Время позднее.

Уже усталость
К ногам привязалась.
К дому тянет...

Рябчики в снегу
Совсем как в сметане,
А взять не могу.

1962

ПОСЛЕ СНЕГОПАДА

Снег, словно пыль с полочек,
С хвойных ветвей сбиваю.
Сколько я сосен, елочек
За день освобождаю!

Как это славно, здорово:
Лес поднимает вершины —
Вскидывает головы
И разгибает спины.

Снежная пыль, как дыхание,
И заполняется воздух
Радужным сиянием,
Будто бы летом, в грозы.

В радуге, что в фейерверке,
И снегири,
И белки:
Сыплется, посверкивая,
В снег шелуха поделки.

Радужен даже валежник —
Вихрей нагромождения,
Речек крутобережных
Глинистые обнажения.

В радуге все как новое:
Скрыты следы порубок,
Ярки стволы сосновые,
Будто кирпичные трубы...

Лыжи скрипят кленовые.
Стынут щеки и губы.

С палкой бреду бамбуковой —
С пикой былинный витязь,
По деревцам постукиваю:
— Выпрямитесь!
Разогнитесь!

1962

МЕДВЕДЯ МЫ НЕ УБИЛИ...

Феликсу Кузнецову

Медведя мы не убили,
Но я написал рассказ
О том, как медведя убили,
Какие мы храбрые были,
Когда он пошел на нас.

Как вздыбился,
Зарычал он,
И как он потом затих.
Охотничьего материала
Хватило еще на стих.

В журнале меня хвалили
За правду,
За мастерство...
Медведя мы не убили,
Не видели даже его.

И что еще характерно:
Попробуй теперь скажи,
Что факты недостоверны,—
Тебя ж обвинят во лжи.

1965

ПЕСНЯ БЕЗ СЛОВ

Пусть ни грибов, ни ягод в лесу —
Он все равно хорош.
Каждое утро что-то несу
В дом из окрестных рощ:

Чаги кружок,
Черенок для ножа,
Корень,
Охапку дров,
Шишку, похожую на ежа,
Песню,
пока без слов...

Пусть тишина,
В глуши ни души, —
Все равно гул в ушах:
В шорохи трав и в шумы вершин
Вслушиваюсь не дыша.

Неба не видно,
Но там и тут
До колдовского дна
То озерцо полыхнет, то пруд —
Та же голубизна.

И ничего, что птичий отлет,
Что опадает листва,—
Песню нашел,
и она живет,
Сыщутся и слова.

1962

ПРО БЕРЕЗКУ

Я ее видал и не парадной,
Не царевной гордой на кругу,
А нескладной,
Даже неприглядной,
Утонувшей по уши в снегу.

Не кудрявой
И не золотистой,
Не расхожей — оторви да брось,
А совсем беспомощной,
Без листьев,
Голенькой
И вымокшей насквозь.

Видывал и в грозы, и в бураны,
При ночных огнях
И на заре.
Знаю все рубцы ее и раны,
Все изъязны на ее коре.

И люблю любовью настоящей
Всю как есть,
От макушки до пят.
О такой любви непреходящей
Громко на миру не говорят.

1965

РОДНЫЕ СЛОВА

Родные, знакомые с детства слова
Уходят из обихода:
В полях поляшій — тетерева,
Летятина — дичь,
Пересмешки — молва,
Залавок — подобье комода.

Не допускаются в словари
Из сельского лексикона:
Сугрёвушка,
Фыпики — снегири,
Дежень,
Воркуны вне закона.
Слова исчезают, как пестері,
Как прясницы и веретена.

Возилкой
Неполный мешок с зерном
Вчера назвала мельничіха,
Поднёбицей — полку под потолком,
Клюкву — журавлихой...

Нас к этим словам привадила мать,
Милы они с самого детства,
И я ничего не хочу уступать '
Из вверенного наследства.

Но как отстоять его,
Не растерять,
И есть ли такие средства?

1962

МЕРТВЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Зимой все деревья голы,
В беде и в нужде равны,
И стынут, как новоселы
Палаточной целины.

По цвету, по звону схожи,
Не разберешь пород:
Сосульки вместо сережек,
Кора на любом, что лед.

Наверное, только птицам
Зимой различать дано,
В каком из них жизнь таится,
Какое гниет давно.

Но тайны исчезнут в апреле —
Всему настанет свой срок:
Живые оденутся в зелень,
А мертвым тепло не впрок.

Кору обдирая с сушины,
Работают дятлы чуть свет,
Прорубятся до сердцевины,
А сердцевины нет.

1964

ТОЛЬКО НА РОДИНЕ

Да, только здесь, на Севере моем,
Такие дали и такие зори,
Дрейфующие льдины в Белом море,
Игра сполохов на небе ночном.

Нехожеными кажутся леса,
Бездонными — озерные затоны,
Неслыханными — птичьи голоса,
Невиданными — каменные склоны.

Здесь, словно в сказке, каждая тропа
Вас к роднику выводит непременно.
Здесь каждая деревня так любя,
Как будто в ней красоты всей вселенной.

И уж конечно нет нигде людей
Такой души, и прямоты, и силы,
И девушек таких вот, строгих, милых,
Как здесь, в лесах,
На родине моей.

Но если б вырос я в другом краю,
То все неповторимое,
Как чудо,

Переместилось, верно бы, отсюда
В тот край, другой,—
На родину мою.

1955

ЛИРИЧЕСКОЕ БЕСПОКОЙСТВО

Что-то мешает
Работать с охотой.
Все не хватает
В жизни чего-то.

Днем не сидится,
Ночью не спится...
Надо на что-то
Большое решиться!

С кем-то поссориться?
С чем-то расстаться?
На́ год на полюсе
Обосноваться?

Может, влюбиться?
О, если б влюбиться!
Что-то должно же
В жизни случиться.

Если б влюбиться,
Как в школе когда-то,
Как удавалось
В седьмом
И в десятом,—

До опеменья,
До ослепленья,
До поглупенья,
До вдохновенья!

Снова стоять
На морозе часами,
Снова писать
Записки стихами.

Может быть, в этих
Наивных записках
Вдруг обнаружится
Божия искра.

И превратятся
Мои откровения
В самые лучшие
Стихотворения.

1961

БЕССОННИЦА

Кто он, мой дорожный сосед?
Лысоватый,
Розоволицый...
Почему не потушит свет?
Что так долго ему не спится?

Чем встревожен и возбужден?
Может быть, за всю жизнь впервые
Из столицы направлен он
На далекую периферию?

Или сам бежит от жены,
От приевшихся разносолов
В край неподнятой целины,
В мир романтики
И новоселов?..

Выпил водочки,
Снял пиджак
И, согнувшись, дымит, вздыхает.
А ведь, кажется, всяких благ
И здоровья ему хватает.

Золотые часы на руке,
Снежно бел воротник рубашки,
Словно сбруя на рысаке,
В блестках шелковые подтяжки.

Громыкает вагон,
Будто вскачь —
Не по рельсам —
Поезд несется...
Может быть, мой сосед — «толкач»,
А «толкнуть» не все удастся,

И от мелких забот,
От хлопот
Даже за полночь нет спасенья?
Может, совесть его грызет?
Иль спешит он на важный слет
И обдумывает выступленье?

Иль в торговой служит сети —
И едва припадет к подушке,
Как встают на его пути
Роковые
«Утечки», «усушки»?..

Нет, не просто на свете жить.
Чтобы ночью спалось спокойно,
Надо день провести достойно,
Не корысти —
Людям служить.

Не лукавить,
Не предавать...
Не стихи же он ночью пишет?
— Вы бы, право, ложились спать! —
Но молчит сосед,
Как не слышит.

За окном мелькает луна.
Спутник мчит по своей орбите.
Что еще вам?
Чего хотите?
Доброй ночи!
Спокойного сна!
Спите! Спите!
Спокойно спите!
И колеса стучат:
«Спите! Спите!»

Но и я не смыкаю глаз:
Мало ль что на душе творится,
Что припомнилось в поздний час...

Ой, как многим людям у нас
По ночам еще плохо спится!

1958

* * *

Думалось, не прибраться —
Сору в избе полно.
Может, и не стараться,
Не справиться все равно.

Словно завоеватели,
Ночь провели на полу —
Что тебе под полатями,
Что тебе в красном углу.

А помахала веничком,
Тряпкой сырой прошлась,
И оказалось — маненечко,
Ладно, что принялась.

Все уместилось в горсти,
Стоило лишь
Подмести!

1964

О МОЕЙ СВЯТЫНЕ

Больше не могу!
Надо бежать
В северную тайгу,
В зеленую благодать,—
Просто чтобы дышать.

Встану чуть свет,
Выйду на холодок,
А тут ничего нет:
Ни нор,
Ни берлог,
Ни родничка у ног.
Хоть бы какой след.

Но стоит замереть,
Слышу:
 шуршит листва,
Слышу:
 сопит медведь,
Взлетают тетерева.

Убран урожай,
В воздухе инея звон.
Слышу собачий лай —
С трех,
 с четырех сторон,—
Начался гон.

Вся душа дрожит,
Больше не могу:
Вот он, косой, бежит,
Вон лиса на лугу...

Никак не пойму,
Что меня держит здесь:
Нужен кому?
Дело какое есть?

Может, в родном краю
Давно иная жизнь:
И птицы не так поют,
И звери перевелись,

И люди не те,
И поля,
И красота не та...
Но это моя земля,
Моя маета и мечта,
Мои святые места!

1961

И СТАЛИ МЫ ПИТЬ ЧАЕК...

Николаю Михайловичу Воронину

Ночую у председателя
осиновского колхоза.
В избе курятник с леггорнами,
двухмесячный поросенок,
а на столе клеенчатом
в горшке молоко топленое,
да свежее мясо,
да яйца,
да самовар под парами
для облегченья беседы.

— Жена! — говорит председатель. —
Я в дом привел человека,
нам надо поразговаривать,
он будет у нас ночевать.
Закуска твоя законная,
и самовар под парами,
добавь только клюквы да рыжиков,
а молоко топленое —
оно не от той коровы.

Жене многоопытной
с полуслова
понятна мысль председателя,

давно ее дом приветливый
что постоялый двор:
упрятав горшок в суденку,
она достает из подполья
теплую, как из-за пазухи,
гладкую,
зеленоватую
бешеную бутылку.

А я молоко жалею:
я выпил бы с удовольствием
стакан и другой горячего,
с коричневой жирной пенкой,
свежего,
не порошкового,
с душистым ржаным пирогом,
и шировеги отведал бы,
и рыжиков бы попробовал,
и клюквы бы надавил.

— Гостей молоком не потчуют.
Вы — гость! — говорит хозяин. —
И дружбы мужской не замешивают
на ягодах и молоке.
Садись к столу, Николаевна,
да угощай по обычаю:
в горячий чаек для крепости
залей по стопке горячего
да сахару не желей!

Надежда Николаевна
с десяток яиц намыла,

на вышитом рукотернике
спустила их в самовар,
густой навела заварки,
сладкой
и запашистой,
липучей,
с ликером схожей,
разбавила, чем положено,—
и стали мы пить чайек.

Пьем зелье
и разговариваем
о пропашных культурах,
о том, как вести хозяйство
в согласье со схемой и модой,
не подрывая колхоза,
как выстоять председателю
меж двух,
даже трех огней...
Беседа наша спорится
и без молочных блюд.

И мне уже это нравится:
тепло
и светло на душе.
Затих под шестком поросенок,
петух заорал в курятнике,—
уже далеко за полночь.
— Пусть Надя нам снова нальет!—
Потом я встаю и ощупью
иду к продавцу на квартиру
еще за двумя бутылками...

Скисает
в горшке
молоко.

1962

Меня мужики называют
своим поэтом.

«Как же так?»

«Ладно ли?» —

пишут мне горькие письма.

Что я могу землякам ответить на это?!

Я сочиняю стихи

Про желтые листья...

1963

СЧАСТЛИВ ЛИ Я?

Что я за человек?
Счастлив ли я?
Не могу об этом не думать.

В темном зале кино,
если экран не кривое зеркало,—
я плачу,
над книгой правдивой
плачу,
над горем людским
плачу.
Мне тяжело, когда не могу помочь.

А за себя все-таки радуюсь:
значит, сердце мое не зачерствело,
душа у меня живая,
я — человек.

И когда сам пишу книгу,
и совесть моя не спит,
и, доходя до исступления,
я тоже плачу —
гордости моей нет предела:
значит, есть и во мне искра божия,
не зря меня кормит народ
своим хлебом.

Но плачет ли кто-нибудь
над моими книгами?
Счастлив ли я?..

1964

ТОПЯТСЯ ПЕЧИ

Задолго до света
 ясно и жарко —
Я это вижу с улицы темной —
В домах полыхают печи-пекарки,
Каждая словно домна.

Стоят за челом чугуны картошки,
Горшки с молоком и щами.
Хвосты задирая, крутятся кошки
У хозяек под ногами.

Затем на столах, покрытых клеенкой,
Появляются груды пищи:
Хлеб в решетках,
Соль в солонках
И черные чугунищи.

Большак просматривает газету
И, оторвав от угла дорожку,
Заранее скручивает сигарету,
По-старому — козью ножку.

Дети с ложками — стайкой к посуде:
Еда с паркóм,
 духовита.

Доброе утро, добрые люди,
Приятного аппетита!

Покушав
и крошки смахнув в ладошку,
Большак закуривает в охоту.
Уже бригадир стучит под окошком —
Пора на работу!

1962

ПОКОРМИТЕ ПТИЦ

Покормите птиц зимой,
Пусть со всех концов
К вам слетятся, как домой,
Стайки на крыльцо.

Не богаты их корма.
Горсть зерна нужна,
Горсть одна —
И не страшна
Будет им зима.

Сколько гибнет их — не счесть,
Видеть тяжело.
А ведь в нашем сердце есть
И для птиц тепло.

Разве можно забывать:
Улететь могли,
А остались зимовать
Заодно с людьми.

Приучите птиц в мороз
К своему окну,
Чтоб без песен не пришлось
Нам встречать весну.

1964

БАБОЧКА ОЖИЛА

Бабочка ожила,
Летает у потолка,
Трепетных два крыла,
Словно два фитилька.

Мягкий заслышав звук,
Прячется в тьму угла
Серый, как тень, паук:
Бабочка ожила!

Может, не ожила —
Только что родилась?
Жизнь, как и не была, —
Заново началась?

Вот, подмахнув к окну,
Бьется она в стекло.
Может, это весну
В комнату занесло?

Перестаю дышать,
Глаз не оторву,
Только б не помешать
Воскресшему существу!

1961

В ТАЙГЕ

Мошкара, комары —
Стон, звон, гуд...
Не съдят до поры,
Так с ума сведут.
Это ж самосуд!

Сколько их?
Да не счесть,
Просто — тьма,
Тьма!
Говорят: нечисть есть.
Вот она сама!

Днем — не сон,
По ночам —
Ни в одном глазу.
Я опух,
Одичал,
Сам себя грызу.

Как туман от болот,
Застя белый свет,
Он плывет, гнус,
Плывет,
Лезет в уши,
В нос,

В рот,
Просто спасу нет.

Разжигаю костер,
Больше не могу:
Запалю весь бор!
Всю тайгу сожгу!

Лучше в пекле,
В аду,
Бедовать беду,
Чем такой
Надо мной
На земле
Вой!

1963—1964

ТАРУСА

К. Г. Паустовскому

Лежу на краю зеленой земли.
В небо врезаны сосны и ели.
Трудятся пчелы,
Гудят шмели...
Наверно, так с сотворенья земли:
Пчелы трудились,
Шмели гудели.

И мне захотелось от диких пчел
Урвать дарового меду.
Весь день искал,
Ничего не нашел:
Непросто теперь набрести на пчел,
С медом найти колоду.

Зато какие леса, небосвод,
Воздух — не надышаться!
А пчелы...
Пускай роятся,
Пускай для себя собирают мед!..
Лежу на земле,
Гляжу в небосвод —
Не на что обижаться.

1961—1962

ЧЕГО БОЮСЬ?

Вот, кажется, не боюсь ни черта,
А ночью
В лесу,
Когда тени густы,
В груди появляется вдруг пустота,
Как перед прыжком
с большой высоты.

Из-за чего бы?
Ведь я — один:
Ни ветра в верхах,
Ни возни в кустах...
Но из каких-то тайных глубин,
Из недр души
поднимается страх.

Отчаянным называют меня.
Быть может, и впрямь
я таким кажусь,
Был на войне —
не бежал от огня...
Так почему ж темноты боюсь?
Иль неизвестность пугает меня?

Как клеветы —
Темноты боюсь.

1960—1964

СПАСИБО СОЛНЦУ

На восходе
вершины сосен
вспыхнули под солнцем,
и у каждой образовалась своя корона.

Солнце понесло огонь по лесу,
по речным сенокосам,
по всей земле —
и все на земле
старалось уподобиться ему.

Папоротники,
еще не просохшие от росы,
развернулись, будто солнечные кокошники.
Водяная струя под берегом
превратилась в лучистый зонтик,
и по краям его
заиграла радуга.
У рыжей волнушки
пушистая юбочка с оборками
стала походить
на солнечные протуберанцы.

Подсолнух — солнце,
кружевная паутина — солнце.
Даже старый глухарь,
распустив хвост,
выдавал себя за восходящее светило.

Кому же и поклоняться в этом мире,
как не Яриле-солнцу?

И я,
выйдя из своего охотничьего домика
на Бобришном Угоре,
повернулся лицом к реке,
которая внизу текла тоже, как солнце,
снял кепку
и сказал ему, огнеликому:
— Нет, человек произошел не от обезьяны!
Мне хорошо с тобой, солнце.
Спасибо тебе!

1963

НА ОДНОЙ ВОЛНЕ

Георгию Леонидзе

Живем на разных концах земли,
Годами порой никакого общенья,
Но с каждым новым стихотвореньем
Мое удивленье,
И восхищенье,
И преклоненье пред ним росли.

Но вот я в больнице,
Вдали от родни,
Больница какая ни есть — больница,
Мне в горы бы, к морю,
На озеро Рица,
А я как в неволе:
Бесцветные дни,
Ни естся, ни пьется,
Даже не спится.

За стенкой из крана течет вода.
Опять уколы
И сульфамиды.
Какие-то зреют в душе обиды —
На что? На кого?
Да так, ерунда...
И вдруг появляется он —
Тамада.

Как мало я знал о нем, тамаде!
Ведь речи застольные —
Только речи,
А человек раскрывается легче
Не на пирах,
А в беде,
В нужде.

Дохнуло огнем виноградных лоз,
Поэзией солнца,
И я, как мальчишка,
Как школьник, ликую,
А он — Дед Мороз
С душой нараспашку,
С кульками под мышкой,

Неугомонный,
Как добрый дух,
По-новому ставший близким до боли.
И отлегло ощущение неволи:
Раздвинулись стены,
Воспрянул дух.
Пришел — и не надо мне пуда соли,
Чтобы почувствовать;
Это — друг!

Так день за днем,
И быстрее вдвойне
Ко мне возвращалась прежняя сила:
Он рядом —
И я не в чужой стороне,

Уже разговор на одной волне,
Он — рядом, и кажется,
Будто мне
Сама Иверия душу открыла.

1962

ЗАЗИМОВАВШАЯ ЛАСТОЧКА

Из Георгия Леонидзе

В осень похолодавшую
Жалко невыразимо
Ласточку зазимовавшую,
Жизнь, пролетевшую мимо.

Где уж мечтать об Индии!
Не улетела птаха.
Даже тростник заиндевел —
Песнь замерла от страха.

Кончится жизни горение —
И нет тебя на примете,
Не одолжишь мгновения
Ни у кого на свете.

Время смывает начисто
Горе и радости буден.
Зазимовавшая ласточка
В небе парить не будет.

И никого не утешу я:
Станут землей и дымом
Ласточка неулетевшая,
Жизнь, пролетевшая мимо.

ТЕРЕК

Переехав его на машине
Не по мостику —
Вброд,
В котловине,
Не на равнине,
Через мутный водоворот,

С валуна на валун
На «Победе»,
На обычной, на легковой,
Я характер его изведаль
И теперь говорю:
Он мне — свой.

И, прожив полсотни без мала
Не в затишье,
А на юру,
Так, что в жилах кровь клокотала,
Я его в собратья беру.

Я его бесконечно моложе,
Все же,
Крайностям вопреки,
В чем-то мы по-хорошему схожи —
Однокашники,
Кунаки.

1962

ДОМБАЙ

То ли горы, то ли облака,
То ли овцы, то ли валуны?
Огненная лава иль река?
Кратеры по краю ледника
Иль воронки бомб — следы войны?

Твердь земли, крутая, как стена,
Разрисованная вкривь и вкось,
До бездонных недр расслоена
И просматривается насквозь.

Ни тропинок козьих, ни дорог,
Только пересохшие ручьи.
Терн шипит и жжет подошвы ног,
Молнией сверкнул язык змеи.

Листья трав колючи, как ежи.
Каменные грани что ножи.
Даль раскалена,
Запылена...
Где ж ты, заповедная страна?
Но владеют миром миражи,
И в глазах людей —
Голубизна.

1961

ДУНАЙСКИЕ КОНТРАСТЫ

1. НА ДОРОГАХ

Буйволы тяжелорogie,
Мохнатые,
Молчаливые,
Шагают по желтой дороге,
Как призраки неторопливые.

Глаза у них студенистые,
Как лыжи — копыта длинные,
Хвосты, что бичи, посвистывают
Над пропотевшими спинами.

Все — древнее,
Довоенное,
Скрипучее,
Деревянное,
И поле будто яремное,
И небо вроде саманное.

А рядом шоссе раскаленное,
Несутся машины быстрые,
То черные,
То зеленые,
Неистовые, как выстрелы,

На поворотах взвизгивая —
За легковой легковая,
Солнце вокруг разбрызгивая,
Музыкой обдавая.

Мне в диво не эти молнии,
А то, что рядом
Безмолвные
Буйволы, как привидения,
Вышагивают
Без удивления.

2. КРИЧАЛИ ГРАЧИ

Теперь здесь лен-долгунец,
пшеница,
И рожь любой похвалы достойна.
Земля добра.
А в этих границах
Была когда-то
уездная бойня.

Все в памяти живо:
 крапива, кустарник,
Высокий забор по берегу речки,
Березы, как в парке...

А пахло овчарней

И кровью,
Тоже, конечно, овечьей.

**В березах кричали грачи тревожно,
Но жизнь текла — светла и спокойна.
Работа спорилась,**

Все шло, как должно:
По форме,
По норме
И в очередь —
Бойня!

И только когда прибывала отара —
Преображалась мирная пристань,
Как будто белые клубы пожара
Врывались сюда
из далей лесистых.

Вдруг начиналось столпотворенье,
Шараханье
от березы к березе.
Куда исчезло овечье смирение?
Покой и порядок —
Все под угрозой.

Повалят забор
да ринутся с кручи —
Стихию
попробуйте укротите!
Но был на бойне
на этот случай
Баран Гапон,
Баран-предводитель.

Понятно, ему особое пойло,
Запарка, заварка,
муки в излишке,
Охранный билет,
особое стойло
И никакой там стрижки
и брижки.

Барана пускали
 в смятенное стадо,
И он, отъевшийся,
 мудрый и старый,
Легко восстанавливал нужный порядок
И неторопко
Туда, куда надо,
Тянул за собой овечью отару.

Кричали грачи
 тревожно
 по-грачьи
Над мирной, как парк,
 уездною бойней...
А если б грачи кричали иначе,
Казалось бы — беспокойно.

3. ХЛЕБ СОЗРЕЛ

Хлеб созрел.
Обвисли плоды.
Степи желтые. Небо синее.
На привале вместо воды
Апельсиновый сок.
Мы в Румынии.

Я с комбайнером на борозде,
Как с дружком-земляком, беседую.
Уважение к сельской страде
У меня родовое, дедово.

Он, как бог, стоит
В полный рост,
На ладони зерно разглядывая.

А зерно течет вроде звезд
Промеж пальцев
Живой прохладою.

Все мне близко здесь, все сродни,
Душу радуют дни погожие:
И волненья у нас одни,
И заботы,
И думы схожие.

Руки к желтым ручьям тяну,
И горжусь,
И хваюсь пшеницею,
Будто я у себя — на Дону,
На Кубани,—
Не за границею.

4. В ГОРОДЕ КАССИЯНЕ

Что-то дантовское, что-то адовое,
Неожиданное,
Невиданное,
Небывалое угадываю,
Ощущаю необыденное.

Как мираж в песках, переменчива,
Полусказочная,
Как вселенная,
С львиной гривой,
Почти не женщина,
Несравнимая,
Несравненная.

Безрассудно не заземленная —
Слышу только сердцебиение, —

Окрыленная,
Всегда влюбленная,
Воплощенное вдохновение.

Для меня, как дорога дальняя,
Как дыханье, необходимая.
У плеча,
А почти нереальная
И уже навсегда любимая.

Вдаль глядим,
Стоим, пораженные,—
Встреча это иль расставание?—
Зачарованные,
Завороженные,
Обреченные на молчание.

1961—1964

ВЕШНИЕ ВОДЫ

Ждать остается недолго,
Чую: близка весна!
Тронется матушка-Волга,
Следом за ней Двина.

И, подпирая друг друга,
Тронутся наверняка
Вычегда
И Ветлуга,
Вологда
И Ока.

Льдины вздыбив до неба,
Хлынут красою всей
Пинега
И Онега,
Лена и Енисей.

Тронутся — не остановишь —
Солнечным током смол
Мимо рыбачьих становищ,
И городов,
И сел.

Грохотом обдавая,
Холодом леденя,

Грянет передовая
С ходу
Всей мощью мая,
Зелени и огня.

К северу, к югу —
С ходу
В сторону морей
Хлынут вешние воды...

Хлынули бы скорей!

1963

К ТЕБЕ ОБРАЩАЮСЬ, ДУША МОЯ!

Когда меня еще не было —
поэзия существовала.
Поэзия останется,
когда меня уже не будет.
Она повсюду:
в природе, в людях,
во мне
и вне меня,
как световые лучи
и как радиоволны —
в атмосфере
и в космосе.

Стихи существуют и не написанные,
не зарифмованные,
не напечатанные,
еще не почувствованные никем,
как антимир,
и пока не уловленные,
как биотоки вселенной.

А поэт — вроде приёмника.
И если он настоящий поэт,
не сбитый с толку славой и наградами,
не чиновник, а человек,
думающий и страдающий,

он пропустит волны поэзии
через свою судьбу,
через свою душу.

Весь мир — поэзия.
И я обращаюсь к тебе, душа моя:
будь хорошим приёмником,
чутким,
многодиапазонным,
всеволновым, как двадцатый век, —
приглушена одна волна,
переходи на другую,
чтобы ощутить поэзию
как биотоки людских сердец.

1964

О БЕЗОТВЕТНОЙ ЛЮБВИ

Пусть — безответно,
Только бы любить,
Только б не бесследно
По земле ходить.

Трав густым настоем
Дышать в шалаше,
Только бы простоев
Не знать душе.

Небом или сушей
За любимой вслед —
То же, что в грядущее
Взять билет.

Скрытно жить, в немилости,
Но в любой миг
Из-под ног вырасти
На ее вскрик.

Для меня не горе
Судьба бобыля,
Пахло б морем море
И землей — земля.

Буду жить, как птица,
Петь, как ручей.

Только б не лишиться
Бессонных ночей.

Пусть безответная,
Пусть, пусть!
Как-нибудь и с этою
Ношей примирюсь.

Ни на что не сетую,
Только бы любить.
Давай безответную —
Так тому и быть.

Впрочем, что ж охотно
На костер лезть?
Мы еще посмотрим,
Время есть!

1962—1964

АЭЛИТА

Очень хочется полюбить
Безответственно,
Безрассудно,
Молодеть
И других молодить,
Плыть под ветром весны попутным.

Очень хочется полюбить,
Чтобы жизнь не текла напрасно,
Самому судить
И рядить,
Властелином быть
И подвластным.

Слой листвы прошлогодней сгнил,
Сквозь покров
Перепревший, ржавый
Среди тысяч братских могил
Изо всех своих свежих сил
Пробиваются новые травы.

Буераки еще в снегу,
Но по склонам гнездятся птицы,
Над деревьями гам и гул.
Очень хочется преобразиться,
Петь по-птичьи,

БЕЛИЧЬИ СВАДЬБЫ

Начинаются беличьи свадьбы,
Бор в слепящем морозном огне.
Не положено,
А летать бы
По сосновым верхам и мне.

От земной суеты отрешиться,
От чужих отмахнуться забот,
Ни за что не болеть,
Ничего не страшиться,
Жить, как ветер в вершинах живет.

Небо зыбко,
И сучья крупки,
Но ведь тем и свята простота,
Что в глазах только беличьи шубки
Да манящие вспышки квоста.

Я скольжу за колхозные гумна,
Оседает под лыжами снег.
Птицы с веток срываются шумно
И ныряют в сугроб на ночлег.

Как все просто в березнике частом...
Снова ростепель входит в права...

Не погибли бы только под настом
Простодушные тетерева.

1964

СМЕРТЬ БЕРЕЗКИ

Пробивалась березка к свету
Из колючего хвойняка.
Тонкий ствол, будто след ракеты,
Поднимался под облака.

Кисло пахло гниением,
Тленьем,
Мхом болотным,
Сырой травой.
Редко, редко, как избавленье,
Как надежда на избавленье,
Солнце вспыхивало над головой.

Пробивалась, да не пробилась,
Продиралась —
Не продралась:
Изогнулась,
Перетонилась,
Отдалась соседям на милость
И с землей потеряла связь.

Над увядшей ее листвою,
Будто волны мертвой воды,
Равнодушно сомкнулась хвоя,
Не почуяв чужой беды.

1965

УЛЫБКА

А тебе улыбка идет.
Улыбайся почаще, милая!
Что сравнится с твоею силою,
Ни к чему подкрашивать рот.

Чуть раздвинутся уголки,
И скажи поди — не красавица!
Слишком смелые пареньки
Замолкают и расступаются.

На кругу выходи вперед,—
Что тебе их мода постылая?
Улыбайся почаще, милая,
Так улыбка тебе идет!

Теплоты и света полна,
И участливая,
И беспечная,
Задушевная,
Добросердечная —
Очень людям нужна она.

Счастье ждет тебя у ворот,
Красота твоя не бескрылая.
В мире много еще невзгод,—
Улыбайся почаще, милая!

1964

ДЕБОРА

Красивое имя — Дебора.
А в чем красота — не пойму.
В нем что-то от дикого бора,
От запахов хвойных в дому.
А ты — в городском терему
За красным высоким забором.
Хорошее имя — Дебора,
В лесу зазвучать бы ему!

«Дебора, уже рассветало!»
«Дебора, стемнело уже!..»
В каких ты краях побывала?
И что у тебя на душе?
Тебе бы скорее пристало
В моем обитать шалаше.

Вот в платьице с синим отливом,
Босая, коса на весу,
Ступая по мху боязливо,
Идешь над зеленым заливом —
И травы роняют росу.
Глядят на тебя, как на диво,
Все звери, все птицы в лесу.

Красивое имя Дебора —
С брусникой, с грибами в ряду.

Брожу по лугам, по озерам,
Ревниво твержу на ходу:
«Дебора, Дебора, Дебора,
Ужели я зря тебя жду?»

1962

ПОСЛЕДНЕЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

1

Еще вчера была жара,
Сегодня жгу костры.
Еще вчера была гора,
Сегодня нет горы.

Еще вчера в душе был бог,
Я жить и верить мог,
Лишь день один -- и нет любви!
Как хочешь — так живи.

Еще вчера...
И все — дотла.
Сгорело...
Замело...
Земля вокруг белым-бела,
В душе голым-голо.

2

Часто я вижу тебя во сне,
В жизни реже случается,
Но и во сне
Все не по мне:
Сердце не согревается.

Трудно живу,
Молча живу,
Молчу до ожесточения,
И не сказавшееся наяву
Врывается в сновидения.

Как же должна быть душа полна
Горечью и обидами,
Если ни разу доброго сна
Я про тебя не видывал!

1962

ОСТУДА

Нет в любви ее ревностной
Ни добра, ни просвета,
Извела меня ревностью,—
Может, ненависть это?

Оскорбительным бдением,
Ежедневным дознанием,
Нарочитым смирением,
Исступленным молчанием...

Извела,
Измотала,
Все ей мало.
И сама до бессонницы,
До остуды устала.

А теперь обижается —
Редко в дом заявляюсь,
А теперь удивляется,
Что от рук отбиваюсь.

1963

С МАТЕРЬЮ НАЕДИНЕ

Для всех ты давно уже — бабушка, бабка,
А для меня все — мама.
Для всех я если не дед, то дядя,
А для тебя все — парнишка.

Что знаешь ты о моей жизни?
Жалеешь меня
Иль гордишься мною?
Верно, думаешь, что я вышел в люди,
Так почему плачешь,
Когда я домой возвращаюсь?

Ничего из меня, мама, не вышло,
И мудрость с годами не прибывает,
Душа по-прежнему не на месте,
И в ласке твоей, как в детстве, нуждаюсь.

Почему ты, мама, меня сильнее?
Иссохшая, старая,
А не больная.
Пахать бы мне землю, как ты пахала,
Зимой ладить дроги,
А летом сани,

И не искать бы иного счастья,
Бояться суетности, как заразы!

Ведь нет все равно ничего на свете
Милей твоего немудрого крова.

Не будет тебя — куда я поеду?
Чужие люди займут наш угол.
Но почему ты, мама, боишься,
Когда прихожу я к тебе за советом?

1964

ПРОСЬБА

В Тбилиси на мраморном надгробье
А. С. Грибоедова, поставленном его
женой Ниной Чавчавадзе, высечена
надпись: «Ум и дела твои бессмертны
в памяти русской, но зачем пережила
тебя любовь моя?»

Окрыли меня, страна гор,
Одари светом душу.
У меня один разговор,
Как у рыбы,
 выброшенной на сушу.

Если можешь, в сыны прими,
Мне дворцов от тебя не нужно.
Помоги взлететь,
Подыми —
Там подхватит поток воздушный.

Приучусь к твоему труду,
И к камням прикипеть сумею,
И любую твою беду
Назову судьбою своею.

Силы есть
И годов запас...
Но чтоб жизнь начинать сначала,

Мало мне
одних
моих глаз,
Одного сердца тоже мало.

Мало просто расправить грудь,
Разогнуть усталую спину.
До конца ко мне щедрой будь:
Подари мне
Верную
Нину.

1962

НЕ ДРАЗНИ МЕНЯ...

Как сказать мне для прекрасной Лалы..

С. Есенин

Убери свои губы, Нуну́,
В одиночку перебудую,
Не тревожь:
Кого обману,
Если я тебя поцелую?

Мне твой черный огонь сродни,
По душе он северным людям.
Но куда —
От семьи, от родни?
Будут слезы —
Себя осудим.

Много есть и других помех:
Разность возрастов,
Разность веры.
Не простят даже малый грех
Изуверы
И лицемеры.

Расскажи мне лучше о том,
Как там Лáли —
В чести и в холе?

Раз я был приглашен к ней в дом,—
Ради дружбы народов, что ли?

И поныне память в плену
У нее.
Ты же знаешь Лали?..
Убери свои губы, Нуну,
Чтоб народы не пострадали.

Что за власть у таких, как ты!
Что за слабость,
Какая сила!
Только я боюсь маеты,
Немота бы не охватила.

Поседел от забот, от дел,
Уж не знаю, душа жива ли?
Не дразни меня, что не смел,
Извини меня, генацвале...

Но, признаюсь,
Если бы Лали —
Ни на что бы не посмотрел.

1962

МИР — ИЗ ОГНЯ

Ночь надвигается, словно старость,
А я не засну.
Сколько женщин в жизни встречалось —
Вижу только одну.

Встретил ее —
И с этого дня
Верю, что мир возник из огня!
Заново — твердь,
Заново — свет...
Ныне на всей земле для меня
Женщин других нет.

Все — от нее,
По ее велению,
Счастье и маета.
Может, прорежется новое зренье?
Может, как высшее просветленье,
И на меня снизойдет слепота?

Как обо всем об этом сказать?
Что ни скажу — солгу.
Страшно смотреть мне в ее глаза,
И не смотреть — не могу.

В море тонул я,
В пустыне рыжей
Околевал не раз,

Падал под пулями —
Выдюжил,
Выжил!
Выживу ли сейчас?

1962

ЕСЛИ Б ТЫ ПОДАЛ ГОЛОС...

Когда я в лесу заблудилась
И, выбиваясь из сил,
То плакала, то молилась,
Мой милый, скажи на милость,
Ты где в эту пору был?

Когда поднялась непогода,
Ночь выла на все лады —
Искал ли мои следы?
Ведь если б ты голос подал,
Не было бы беды.

Ах, если б ты подал голос,
Аукнул хотя бы раз,
Душа бы моя боролась,
Отчаянью не поддавалась!

И этих сомнений мука
Не выросла б до небес...

Но, может быть, ты аукал,
Да я не слыхала —
Лес!

1962—1964

НОЧНАЯ ОХОТА

Неужель последним днем
Станет день вчерашний?
Неужели мы умрем?

На сосне сидим
Вдвоем
Над овсяной пашней
И с медведем схватки ждем —
Может, рукопашной.

Кто в тайге ни запоздал
Этой ночью стылой —
Песни пел
Или кричал,
Чтоб не страшно было.

Торопливо
От болот
Не дорогой — полем
Ребятишки гонят скот.
Заблудились, что ли?

Далеко слышать, как быют
Плетками с размаха.
И смеются,
И поют,

И кричат —
От страха.

Пронеслась толпа девчат,
Словно птичек стая,
Оглашенно хохоча —
Страх преодолевая.

Нам ни двигаться, ни петь,
Мы сидим, как мыши:
Может, рядом он, медведь,
Видит нас и слышит?

В речке рыба раз и два
Бухнула спросонок,
Да заплакала сова,
Как больной ребенок.

Налегке молоковоз
Большаком проехал:
Звон бидонов,
Стук колес —
И опять лишь эхо.

Воздух, будто про запас,
Полым ртом хватаем
И в десятый,
В сотый раз
Ружья проверяем.

Вдруг курки не взведены,
А медведь в засаде?
Что, как с тыла,
Со спины,

Он насядет
Сзади?

Вдруг не выдержит сосна?
Ведь бывает всяко...
И настала тишина,
Как перед атакой.

Ничего не разглядеть,
Словно в преисподней.

Может, все-таки медведь
Не придет сегодня?..

1958—1965

СУХОЕ ВИНО

Он любил сухое вино,
всю жизнь только сухое —
натуральное,
кисловатое, как сама земля,
и окрыляющее, как ветер гор.

Сухие грузинские вина после войны
шли под номерами,
этикетки их напоминали солдатские погоны;
с красочных молдавских этикеток
слетали длинноногие добрые аисты;
лучшее армянское
называется золотой лозой — воскеваз.

Сухое — оно не дурманит голову,
не отяжеляет рук и ног
и в сердце вселяет любовь к людям,
а не злобу,
желание творчества,
а не отвращение от дел.

...Всю жизнь только сухое!

Но по нужде ему приходилось пить
все, что бог пошлет,
что поставят товарищи,

все — от самогонки до «сучка»,
от терпкого вермута в сельских чайных
до маслянистого,
с глицерином,
разливного портвейна
в городских забегах.

А когда жил в Заполярье,
приходилось пить даже спирт,
чтобы не замерзнуть на оленьих перегонах, —
спирт, легкий, как огонь,
холодный, как северное сияние,
и уже привык,
чтобы время от времени
что-то обжигало ему горло и душу,
до слез,
до придыхания.

Так всю жизнь.
Хотя сердцем он был привязан
только к сухому
и любил лишь его,
как всю жизнь любят свою жену,
и только ее одну.

1964

ВСЕ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Шел дождь,
небо соединялось с землей,
шумели сосны,
над бором погрохатывало.
А городской человек
вошел в глубь леса,
осмотрелся
и ахнул:
— До чего хороша тишина!

Сколько же он должен был страдать
от нестройного гула и звона,
от лязга и крика,
сколько лет должен был кричать сам,
чтобы вдруг,
забредя в лес,
где просто муравьи и птицы,
мох и звонкоголосый родничок,—
так вот почувствовать,
так до слез полюбить тишину?!

И сколько лет
должен был человек
мотаться из города в город,
ютиться в кирпичных и железобетонных домах,
дышать дымом и пылью,

пить нечистую, хлорированную воду,
принимать по утрам пирамидон
от головной боли,

чтобы наконец
в обыкновенном лесу
обрадоваться, что на подошвах его
не грязь, а хвойные иглы и листья,
и удивиться,
и сказать самое простое:
— Все в этом мире для человека,
почему же он не понимает,
как хорошо жить в лесу?

1963

* * *

Лес поседел от инея,
Бел, как сама зима,
Что ему дюны синие,
Снежная кутерьма!

Закостенев от холода,
Он терпеливо ждет:
Ранней весною молодость
Снова к нему придет.

Мне ничего похожего
Не принесет весна,
Вот почему встревожен я,—
Жизнь у меня одна.

Все неозвратно:
Сильный ли,
Слабый ли человек,
Раз лишь прихватит инеем —
И седина навек.

1965

ОГОНЕК

Светлячок во мгле —
Огонек в лесах.
Может, он на земле?
Может, в небесах?

Может, свет костра
Мерцает вдали?
Может, звездочка —
Нашей земли? сестра

В бесконечной ночи
Тьма густа, пуста.
Но не меркнут лучи
Светлого поста.

Изнемог,
Сбился с ног,
Но горит впереди
Огонек,
огонек —
Свет в моей груди.

1962

ДОБРУ ОТКРОЕТСЯ СЕРДЦЕ

Не свалит меня бездорожье,
Я с детства ходил без сапог,
И сколько б теперь ни прожил —
Ничто для дубленой кожи
Неровность лесных дорог.

Без страха брожу по осоке,
По гальке,
Через поля.
Шипов не боюсь на тропке...
Все лишние электротоки
Берет из меня земля.

А с ними,
Почти бесследно
Рассасываясь, как вода,
Все злое,
Дурное,
Вредное
Уходит в песок навсегда.

И остается в теле,
В душе
После долгих бед
Лишь то,

Без чего ни веселья,
Ни счастья на людях нет.

Мне просто необходимо
Босым по земле ходить,
Чтоб верить,
И быть любимым,
И самому любить.

Ступи, мой товарищ, попробуй
И ты в холодок росы,
Сорви надоевшую обувь,
Пройдись по земле босым!

В глаза, будто память о детстве,
Зеленые глянут места,
Добру откроется сердце,
И совесть будет чиста.

1963

ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ

ОТХОДНАЯ

О, как мне будет трудно умирать,
На полном вдохе оборвать дыханье!
Не уходить жалею —
Покидать,
Боюсь не встреч возможных —
Расставанья.

Несжатым клином жизнь лежит у ног.
Мне никогда земля не будет пухом:
Ничьей любви до срока не сберег
И на страданья отзывался глухо.

Не завершил ни одного пути.
Как незаметно наступила осень!
Летит листва.
Куда уж там летит —
Ее по свету шалый ветер носит.

Потери сердца людям не видны,
А радости стучатся в дверь все реже.
Ни от своей,
Ни от чужой вины
Не отрекаюсь,
А долги все те же.

Сбылось ли что?
Куда себя девать
От желчи сожалений и упреков?
О, как мне будет трудно умирать!
И никаких
 нельзя
 извлечь уроков...

1966

ДЕНЬ ТВОРЕНЬЯ

Михаилу Дудину

Восемь цыплят вылупилось,
Одно яйцо не дозрело,
Так сказать, уцелело.
Но курица не горевала
И парить больше не стала,
Судьба одного цыпленка
Ее не занимала.
Ей восьмерых хватало.
Она их к порогу скликала,
Квохтала, будто подсчитывала,
И под себя подгребала.

Что же это девятое
Яйцо —
Ужель пустотело?
Я взял его в руки:
Белое,
Целое, как и было.
Концом перочинного шила
Расковырял скорлупку,
Расколупал,
Раскупорил,
И там оказалось... тело.
Там было живое тело.

Вот ведь какое дело!
Еще не цыпленок — тело
Цыплячье,
В крови, в ворсинках,
В остатках желтка,
В волосинках.
Круглое это тельце
Дышало и жить хотело.

Я стал —
Сначала несмело —
С жизни чуть теплой, хрупкой
Снимать скорлупу за скорлупкой,
Стал отделять от живинки
Мертвые скорлупинки,
Как плод живой от последа.
А будет ли победа?
О, как же мне было страшно!
Как молодой повитухе,
Девочке-акушерке.
Секунды решали дело.

Но робость моя проходила.
Очистив от крови цыпленка,
Я положил его в тряпку,
Затем в мохнатую шапку,
А в шапке
На теплую печку.

И вот мой младенец ожил
В шапке, как в люльке, в зыбке.
Ожил! —
Спасибо, боже! —
Забился, закопошился,

Зацевкал
И опушился.
Голос его был звонок.
Это уже был цыпленок.
Ах ты мой соколенок!
Орленок ты мой!
Миленок!
Родимый ты мой, рождённый,
Я — крестный твой нареченный.

Потом пора настала,
И клушка его признала.
А я отошел в сторонку,
Счастливый до умиления,
До слез,
До вдохновения,
Как бог в первый день творения.
Я жизнь сохранил цыпленку,
Пусть хоть одну,
Хоть цыпленку,
Но — жизни!
Без преувеличения.

1966

ПОЧЕМУ НЕ УДИВЛЯЕМСЯ

Почему-то без удивления
Смотрим на́ небо, на поля
И — восторженно,
С умилением
Пересказываем сновидения,
Хоть и в снах
Все та же земля.

А деревья-то зеленые!
А в озерах
Вода в цвету!
А в воде, что стрелы каленые,
Листья длинные,
Заостренные,
Оголенные,
Опушенные...
И все тянутся в высоту.

В небе крылья птиц распростерты,
Тучи, радугами подпертые,
Камни скал в корнях витых.
Видно, скалы тоже не мертвые,
Раз деревья растут на них.

Над рекою кручи размытые.
Я на срез отвесный гляжу,

Будто в недра земли открытые
По ступенькам цветным вхожу.

Налюбуюсь ли на нарядную,
Ненаглядную землю-мать,
Непарадную,
Неоглядную?..
Так всему в этом мире радуюсь,
Будто завтра его покидать.

И тоскливо мне одному —
Будто завтра конец всему.

1966

КУЛИК

В болоте целый день ухлопав,
Наткнулся я на кулика.
Он из гнезда, как из окопа,
Следил за мной издалека.

Как трудно быть ему героем:
Того гляди возьму живьем,
А он один в гнезде своем,
Как в поле воин
Перед боем
С противотанковым ружьем.

Взлетать иль нет?
А вдруг замечу,
Со всем хозяйством загублю?
А не замечу —
Искалечу,
Ногой сослепу наступлю?

Зачем играть со смертью в прятки?
Я на него взглянул любя,
И — мимо, мимо без оглядки...
Сиди, родимый,
Все в порядке,
Я просто не видал тебя.

1966

О ПОГОЖИХ ДНЯХ И ХОРОШИХ ЛЮДЯХ

Когда мне трудно дышится
и кашель,
подобно минометному обстрелу,
гнетет к земле,—
последствия войны! —
когда врачи ничем помочь не в силах,
в груди и слякотно, и непролазно,
как в бездорожье,—
я стараюсь вспомнить
о днях погожих,
светлых и сухих,
а их в году бывает больше все же,
конечно, больше,
чем промозглых дней.
И любопытно:
вдруг слабеет кашель,
продует бронхи свежий теплый ветер,
как будто две таблетки антастмана
я проглотил
иль подышал в бору
на родине,
где мы живицу гнали...

Когда меня сгибают неудачи,
растерянность душой овладевает,
бессонница и страх —
бывает все! —

я вспоминаю о хороших людях,
о тех мне близких
и не очень близких,
а просто повстречавшихся в дороге,
о людях с чистой совестью бойцов,
которых больше все же на планете, —
конечно, больше! —
чем приспособленцев,
чем карьеристов и самоснабженцев,
бесстыжих болтунов и графоманов, —
и мне становится легко на сердце,
ну, не совсем, быть может,
но спокойней,
и хочется еще пожить на свете,
полюбоваться небом и землей.

1966

ВАДИМУ КАПЛИНУ,
МЕДВЕЖАТНИКУ

Вот опять поставила
На своем
зима.
В шубах горностаевых
Ели
И дома.

Для меня по-прежнему
Дороги до слез
Эти дали снежные
И первач мороз.

Снег до переносицы,
До ушей,
До крыш.
Лишь поземка носится
По полю без лыж.

Может, вспомним молодость,
Дорогой Вадим,
Где-нибудь за городом
Зайца подсадим?

А быть может,
в добрый час —
Ах, еще бы раз! —

Старый бог потешит нас
И берлогу даст?

Пусть не очень важную,
Пусть совсем невидную,
Хоть малометражную,
Малогабаритную.

Встали б на медведя мы
Супротив чела,
Кто с ружьем,
Кто с «фэдом» бы —
Была не была.

Эх, кабы
 да кабы!
Снова б наши бабы
Пряли шерсть,
Варили щи
Из медвежьей лапы.

Ну, а мы,
 мужчины,
Пили бы чин чином
И, хвалясь
И кочевряжась,
Гнули бы бухтины...

Сколько лет,
Сколько зим,
Дорогой Вадим!
Может, вспомним молодость,
Ружья зарядим?

1966

СЛЕДЫ НА СНЕГУ

По опушке роши,
Около воды,—
Вязью по пороше
Свежие следы.

Разбираю почерки:
Вот чей-то скок,
Лисьи цепочки,
Птичий бисерок.

Кривули чьи-то —
Чьи? — не узнать —
Прошвой вшиты
В белую гладь.

Протянула мышка
Тесьму хвостом...
Вязанье,
Вышивка
Гладью
И крестом.

Косачи — крестиком,
Рябчики — тож;
Куропаток шествие —
Понимай как хошь.

Заячье плетенье —
Смех и грех:
След с оформлением —
К ореху орех.

Чудо, что творится,
И все — на виду:
Не птицы — кружевницы,
Пяльцы и спицы,
Коклюшки в ходу.

Вот как разделано!
Дивлюсь пестроте...

Все на снежно-белом
На тканом холсте.

1966

УТРЕННИКИ

Картину в оконной раме
С утра подновил мороз,
Ледок под его ногами
Дробится на сотни звезд.

Позванивают березы,
Потрескивают углы.
Дымок над трубою розов,
Поля и луга белы.

А днем развезет дороги,
И полнятся бочаги —
То сани нужны,
То дроги,
То лыжи,
То сапоги.

Но воздух в окольной чаще —
Хоть на куски кроши,
Заиндевевший,
Хрустящий...
И оживают все чаще
Охотничьи шалаши.

1965

ЛЕСОСЕКА

Птицы еще на гнездах,
Будто в тепле папах,
Но уже хвойный воздух
Выхлопами пропах.

Вклинились лесосеки
В мир, где перо и пух,
А ведь казалось —
Вовеки
Здравствовать без заварух.

Визг бензопил страшен.
Если бы только он!
Сосны, как в рукопашной,
Гибнут
Со всех сторон.

Чибис машин не боится:
Гром —
Стало быть, гроза.
Но — человечьи лица!
Но — человечьи глаза!

В ночь подышав свободней,
Рябчики,
Глухари

Ждут, будто кары господней,
Индустриальной зари.

Некуда скрыться,
Нечем
Гнезда от бед прикрыть.
Втягивай головы в плечи,
Если охота жить.

Взвиться бы к небу
В паре,
Там никаких границ!
Но не парить,
А парить
Май принуждает птиц.

Сжались до неприличья —
Робкие,
Курья стать,
Даже обличье
Не птичье,—
Где уж таким летать!

Голодно и морозно.
Все ж,
Презирая смерть,
Птицы сидят на гнездах —
Надо ж кому-то сидеть.

Страх изнуряет, треплет,—
Терпят, всему назло,
Лишь бы птенцы окрепли,
Встали бы на крыло.

ЗИМОЙ В РЕЧНОМ ПОРТУ

Вмерзли в лед самоходки,
Ждут далекой весны
Быстроходные лодки
И рыбацьи челны,
Ждут,
Как ждали молодки
Окончанья войны.

Не стрекочут моторы,
Не струятся дымки,
Будто вымерший город
Спит в излучке реки.

Обессилен,
Буксиры
Опустились на дно,
Их слегка покосило,
В рубках снегу полно.

Но ложится на трапы
К ночи прошва следа,—
То старик сиволапый
Проверяет суда.

Не чужак,
Не калека,—

Просто с юности он
И в озера, и в реки
По-мальчишьи влюблен.

И, без меры порою
Славя доблестный флот,
Всех зовет пехтурою,
Кто на суше живет.

Оглядевши угрюмо
Рубки, снасти, борта,
Он скрывается в трюме,
Как в утробе кита.

Там на пробке-подстилке
Про «Варяга» поет.
И пивные бутылки
Вылетают на лед.

1967

ГЛУХАЯ ЗИМА

Ночь долгая, как на полюсе,
Как на зимовке мы.
У хвойного ветра в голосе
Дыханье глухой зимы.

Почти нежилые, мертвые
Дома на краю земли,—
Похоже:
Во льдах затертые
Безмолвные корабли.

А я — под медвежьим пологом,
От шерсти спирает дух.
Ударил бы где-нибудь колокол
Или рубанул петух!

Все путано-перепутано,
Не спится,
А вижу сны.
Наверно, до зорьки утренней
Не ближе, чем до весны.

Над башенкой лопоухою
Дрожащие огоньки.
И буфера не бухают,
И не гудят гудки.

Совсем извела бессонница...
Лежу, напрягая слух:
Во всем городке ни звонницы
И хоть бы один петух.

1966

СКАЗАТЬ ИЛЬ ПРОМОЛЧАТЬ?..

Приехала сестра.
Не виделись пять лет.
— Поди, уже стара,
Узнаешь или нет?

Узнать почти нельзя.
Ее ли в том вина?
Гляжу во все глаза:
Она иль не она?

Лишь пять недолгих лет —
Каких? —
Коротких пять,
А целой жизни нет.
Сказать или смолчать?

Какая ж так гроза
Смогла ее согнуть?
Гляжу во все глаза:
Сказать иль обмануть?

1966

ВЕСЕННИЕ ОЖИДАНИЯ

Заметно весны дыхание,
Уже в колеях до колен,
Все замерло
В ожидании
Неведомых перемен.

Под вечер березник в инее,
Вода превращается в лед,
А в полдень
Все синее-синее,
Сквозь крыши
И с крыш течет.

И солнце с луной встречается,
Как будто о чем совещается,
И скалы в воде по грудь...
Ах, если бы все, что чается,
Свершилось
Когда-нибудь!

С терпением,
Со смирением,
Устав от душевных смут,
Друзья мои
Потепления,
Как манны небесной, ждут.

Вдруг что-то взыграет, вспенится,
Как свет по земле пройдет...

А, собственно, что изменится, —
Весна же не первый год?!

1967.

ГРАЧИ

Орда грачей орет над крышей,
Черны березы от грачей.
Самих себя в избе не слышим,
Я целый март не сплю ночей.

В ограде радио, базар ли?
Осточертели сад и дом:
Как в лагере,
Как на вокзале,
Как в доме отдыха живем.

Смахнул бы нá землю все гнезда,
Стрелял бы,
Только разреши,
Но спохватился слишком поздно,
Теперь поди их устраши.

Ожесточаюсь без успеха.
Перепугалась вся семья.
Где ныне выдержка моя?
Уж не до шуток,
Не до смеха:
Не мне — грачи,
Я им помеха,
Грачи хозяева — не я.

А ведь давно ли был от горя,
Когда какой-то книгочий
Березы вырубил под корень,
Чтоб сад покинули грачи.

1966

И ТАК ВСЮ ЖИЗНЬ

Мы выехали утром налегке
В леса, в луга
На Кубене-реке.

Чтоб время понапрасну не терять,
Свои желанья ограничив строго,
Я никаких пейзажей по дороге
На киноплёнку не хотел снимать.

Но легкий «газик» скоро сел в пути:
Проселки наши тем и знамениты,
Что в сушь — разбиты,
А в дожди — размыты,
А в общем — ни проехать, ни пройти.

Свирепо взвыли два грузовика
И тоже сели рядом:
Точка! Пробка!
То ль озеро по курсу, то ль река,
А справа — топко,
Да и слева — топко.

Страдая с шофера́ми заодно,
Полезли пассажиры под колеса,
Гремели цепи,

В места большой охоты,
Чтоб где-то там
Какие-то красоты
Запечатлеть,
Воспеть,
Отобразить.

А под боком...
Да что тут говорить!

1959—1968

ЯСНЫЙ ДЕНЬ

В изморози, что в пене,
Голые ветви берез.
Роща как стадо оленей,
Сгрудившихся в мороз.

А день до того наряден,
Что и сказать не могу.
Тени от палисадин —
Лесенкой на снегу.

В солнечном одеянье —
Милые вы мои! —
Кажутся снегирами
Серенькие воробьи.

1964

С ДОБРЫМ УТРОМ!

Я люблю, когда при встрече
Мы знакомым и родным:
«С добрым утром!»,
«Добрый вечер!»,
«Доброй ночи!» — говорим.

Если к чаю иль к обеду
В дом войдем —
Не любо, что ль,
Поклонясь, сказать соседям:
«Чай да сахар!»,
«Хлеб да соль!»

Не от тяги к суесловью
И сложилось не вчера
Это братское, с любовью,
Пожелание здоровья,
Пожелание добра.

Хорошо и путь-дорогу
По обычаю начать:
У родимого порога
Посидеть и помолчать.

Не спешу с моралью строгой,
Коль в дорогу кто-нибудь

По привычке скажет:
«С богом!»
«С богом!» — тоже «В добрый путь!».

От души желаю счастья
Всем товарищам своим,
Молодым — в любви согласия,
Долголетия — пожилым.

Рыболовам,
Звероловам —
Теплой ночи у костра,
И — богатого улова,
И — ни пуха ни пера.

Пусть людей во всех заботах
Ждут удачи и успех,
Чтоб работалось с охотой
И гулялось без помех.

Даже стае журавлиной,
Улетающей от нас,
По обычаям старинным
Мы кричим:
«В счастливый час!»

И живетя вроде лучше,
И на сердце веселей,
Коль другим благополучья
Пожелаешь на земле.

1968

ДЛЯ ТЕХ, КТО НЕ СПИТ

Как славно,
Как дивно
В апрельском бору!
Костер над обрывом —
Присядем к костру!
Раздольно,
Разливно,
Заздравно,
Зазывно.
Мы как на пиру
У весны на юру.

Размывно, .
Разымчиво,
Вот она — ширь! —
Не половинчато,
Не в полдуши.

Напевно и мощно,
Как чудо из чуд,
И денно,
И ночью
Птицы поют.

Под вечер морозит,
Звездится ледок,

Ломается озимь
По краю дорог.
До самой опушки
Поля забеля,
Снежной мерлушкой
Обшилась земля.

А ночи,
А ночи
Средь елей и пихт!
Хоть нет их короче
Для тех, кто не спит.
Для тех, кто сидит
У мокрых раки,
За удочкой
 чуть различимой
Следит.

Не то косачей
Ожидает на ток,
На взгорок
Меж елок,
На бугорок.

Ах, сколько ночей
И я спать не мог!

Весенние ночи,
Рассвет словно дым,
Их нету короче
Для тех,
Кто любим.

1966—1967

НОВЫЙ БЕРЕГ

Никаких таких Америк,
Знаю, не открою.
Юг-река меняет берег
Под моей Горою.

Клин песчаный намывает
Под обрыв сосновый,
Удлиняет,
Уплотняет...
Где-то старый берег тает,
Нарастает новый.

Верю, примутся деревья
На косе посадом.
Встанет целая деревня
С моим домом рядом.

Даже город будет, верю.
Пусть не очень скоро...

Намывает новый берег
Под моим Угором.

1966

ЭКО ДЕЛО!

Дерево пожелтело.
С этого началось:
Что-то в нем задубело,
Сдвинулось,
Надорвалось.

Может — слоев смещение,
Скрытое до поры,
Как при землетрясенье —
Складок земной коры?

И потекла живица
Лавой
К ногам ствола,
Чтоб янтарем сгуститься;
Может, начало зла

Было в безмерном росте:
К небу вознесено,
Стронцием-90
Дерево облучено?

Или жучки-короеды
Взяли его в полон?..
Сверху валились беды,
Снизу,
Со всех сторон.

Кто-то инициалы
Вырезал на стволе,
Сук в снегопад сломало...
Мало ль какие шквалы
Гнули его к земле!

Желтые в хвое пятна —
Желтая сыпь в бору.
Поналетели дятлы,
Выстукали кору.

Выдюжит ствол могучий, —
Жалко его рубить!
Может, на первый случай
Следует полечить?

Может, лишь отдыхает,
Не умирает оно,
Просто наряд меняет,
Стужей обожжено?

Просто чуть приболело.
Справится —
Не бревно!
Но уже все решено:
— Дерево?
Эко дело!
Лесу вокруг полно.

1966

ПРИШВИНСКИЙ МОСТИК

И мостик этот, и ров с колодинкой,
И мхи, и ягодник он любил,
И речку,
Которую звали Родинкой,
Должно быть, по-своему боготворил.

Пока согласовывали
Да увязывали,
Чтоб Пришвинским мостик этот назвать,
Мы просто разным людям рассказывали,
Как он любил здесь сидеть, стоять.

Качнется ли в хвое белочка быстрая,
По берегу плисточка пробисерит —
Он весь замирает
И смотрит пристально,
Как будто сохач рога свои выставил
Иль в небе чуть видный орел парит.

Конечно, вопрос завяз неувязанным.
А годы идут,
Перильца гниют...
Но все-таки люди,
самые разные,
Пришвинским мостик этот зовут.

1961, Малеевка

СОПОСТАВЛЕНИЯ

Это все-таки удивительно,
И это надо видеть самому!

Подсолнухи поутру,
Как армия на смотре,
Поворачиваются —
Все решительно! —
К солнцу,
К маршалу своему,
И глазами его едят,
Разодетые на парад,
И почтительно
За ним следят.

Это один квадрат.

А вот другой полевой квадрат.
Тоже в рост
К солдату солдат.
Как защитные плащ-палатки,
Листья с плеч свисают до пят.
В каждой складке
Шинельные скатки —
Туго скрученные початки,
Кукурузы зеленый отряд.

Это пехота-царица,
Границы ее необъятны.

А кругом
Клевера, пшеница —
Другие цветные квадраты,
Иные цветные пятна.

Эх, полюшко,
Поле боя!..
Теперь-то оно другое.
Но мне не уйти от сравнений,
Добытых ценой войны
В землянках, в ходах сообщений, —
Они нам навек даны.

За желтою кромкой жита,
Где есть и ячмень, и овес, —
Зеленая полезащита,
Линии лесополос.
В тени этих редких рощ
Приметы далекой схватки:
Окопы, как швы на палатке,
Да партизанские скрадки,
Да блиндажей остатки
Еще и сейчас найдешь.

А между дорог незнакомых,
То вытянуты,
То круглы,
Скирды прошлогодней соломы —
Это уже тылы.

И водный рубеж — река —
Без переправы пока.

Ах, полюшко, поле боя,
Над головой облака...

Какая-нибудь неделя —
И сдвинутся с мест войска.

1962

О ФОРМЕ И СОДЕРЖАНИИ

Я с детства привык к василькам,
К полдневному их сиянию,
К их форме
И содержанию,
К соцветиям
И стебелькам.

Я их собирал в овсах,
Как звезды,
Как луны синие.
Не раз любовался ими я
У девушек на волосах.

Легки,
Мотылькам сродни,
Как часто в стихотворении
Друзьям заменяли они
Лирическое вдохновение.

Мне памятни и венки
С их влажным благоуханием,
Когда начиналось гадание
На берегу реки...

Я с детства любил васильки.

Но вот
Довели до сознания,

Что это же
Сорняки.

С тех пор я вхожу в овес
Без прежнего к ним обожания...

Так разрешился вопрос
В пользу содержания.

1967

ЛЕНИНГРАД, 1942 ГОД

Вхожу в родную квартиру
По лестнице ледяной.
В прихожей, где шубы висели,
Теперь сарай дровяной,
А в дровяном сарае —
Поленницей... не дрова...
Но я не могу об этом
Укладывать в рифму слова.

В гостиной, где раньше пахло
Теплом, табаком, едой,
Где Клара училась гладить,
Опрыскав платки водой,
И вышивала на шелке
Нелепые лопухи,
Где вечерами, знаю,
Читались мои стихи,—

Лежат только щепки от стула
(А были буфет и комод),
И лезет из горла графина
Прозрачную свечкой лед;
Ненужный электрочайник,
Совсем промерзшая печь,
Семейные фотографии,
Которые жалко жечь;

И словно дракон в полете —
Чешуйчатые бока,—
Кривая труба времянки
У самого потолка.
Еще — железная койка
В углу, где совсем темно,—
Была бы она деревянной,
Сожгли б и ее давно.

На этой железной койке,
Свернувшись, лежит отец.
Он маленьким стал, как подросток,—
Жилец или не жилец?
Недвижный, худой и черный,
У черной, сырой стены,
Как мумия, в одеялах,—
Усы да глаза видны.
Глядит он недоуменно,
Он спрашивает без слов:
Откуда взялась сосулька
На маятнике часов?

В ногах его только Ольга —
Сестра милосердия, дочь,
Одна она в целом доме,
И чем она может помочь?
Где Клара, где Гриша, где Аня?
Война разнесла семью —
Мое неокрепшее счастье,
Быть может, судьбу мою.

Стою у отцовской кровати.
А что я сделать могу?

Сказать ли ему, что город
Мы не сдадим врагу?
Он сам это знает не хуже,
Он сам из последних сил
Все делал, что было нужно,
Покуда ходил и жил.
Сказать, чтобы он мужался,
Что близок победы час,
Что мы его не оставим?
Он сам не оставил нас.

Или пожелать здоровья?
Как можно о том сказать?..
Мои запоздалые слезы
Не смогут отца поднять...

Стою у холодной кровати.
Такая вокруг тишина,
Что даже разрывов не слышно...
Не кончилась ли война?

1942

СОЛОВЕЙ

Черт его дери — соловья!
Всю весну горю, как на огне.
Но писать о нем не вправе я
Ни в стихах, ни в прозе:
Стыдно мне.

Стыдно тыщи лет воспевать
Птичьи трели
Да небесный свод...
А ему-то, соловью, плевать:
Знай себе работает —
Поет.

1966

ЗАКЛИНАНИЕ

Воскресни!
Воскресни!
Забейся, сердце, в груди!
Пусть — чудо:
Не песней —
Сама, во плоти, приди!

Хоть утром,
Хоть ночью,—
Я в доме один живу,—
Явись, когда хочешь,
Но только бы наяву.

Хоть в саване белом,
Хоть в платье —
Теперь не зима,—
Не открещусь оробело
И не сойду с ума.

Хоть с шумом и громом
Иль тихо войди,
С крыльца,
Но только б — знакомой:
Не надо менять лица.

Воскресни!
Возникни!

Сломалась моя судьба.
Померкли,
Поникли
Все радости без тебя.

Пред всем преклоняюсь,
Чем раньше не дорожил.
Воскресни!
Я каюсь,
Что робко любил и жил.

1966

РЕЧКА ВЕРТУШИНКА

Над тобой не одна осинка
Одурманенно склонена.
Колдовством твоим, Вертушинка,
Вся душа до краев полна.

Завертела,
Обворожила,
Закружила меня чуть свет.
Что ж ты делаешь, вражья сила?
И зимой избавленья нет.

Не в разливе ж,
Не в половодье,
Не невеста — в соку, в цвету, —
Будоражишь не по погоде,
Опьяняешь — не вмоготу!

С увлеченьем,
С ожесточеньем,
Изворачиваясь и дразня,
Обнажаешь мои коренья,
Словно хочешь свалить меня.

Не весеннее наше дело:
Сколь ни тешься,

угомонись!

1961

О ЧУЖОЙ ДУШЕ

Я не хотел причинить вам зло,
И — невдомек,
Что мог.
Доброе чувство меня влекло
В комнату вашу,
В ваше тепло,
На голубой огонек.

В ранний час,
В полуночный час
С глазу на глаз не раз —
Я ничего не хотел от вас,
Я отдыхал у вас.

Как вы подумать только могли,
Что от семьи бегу?
Ваш переулок —
Не край земли,
Я — не игла в стогу...

В мире то оттепель, то мороз, —
Трудно тянуть свой воз.
Дружбы искал я,
Не знал, что нес
Столько напрасных слез.

Я от тревог искал уголок,
Душу свою храня,
А о чужой — невдогад,
Невдомек...

Пусть же отныне ваш огонек
Потухнет для меня.

1960

ВМТ

На маховике коленчатого вала
выбита мета из трех букв:
В М Т.

Об этой мете знают
механики и мотористы,
водители всех машин.

Когда поршень доходит
до Верхней Мертвой Точки,
его движение как бы на миг замирает,
взрыв сжатой горючей смеси
толкает его обратно,
а к ВМТ
стремится другой поршень,
под новый взрыв,
как под удар гильотины.

У каждого поршня
есть своя
Верхняя Мертвая Точка.
Есть она и у солнца в полдень,
у моря во время прилива,
у спутника в его апогее,
у птицы — в полете — ее потолок.

В судьбе каждого человека
встречается
Верхняя Мертвая Точка.

Выше ее —

ничего

ни по ту, ни по эту сторону жизни,
разве что антимир.

И человек

всю жизнь стремится
к своей ВМТ,

как река

к морю,

как дерево

к солнцу,

как жизнь

к смерти.

Может быть, ВМТ —
это и есть счастье?

А спортсмены называют Мертвой точкой
миг своей наивысшей слабости,
за которой следует
новый взрыв энергии,
прилив новых сил.

Я — человек.

Чтобы жить,

я хочу одолеть свою слабость,
свою ВМТ,

уйти от равновесия,

даже если в нем мое счастье.

1964

* * *

Мы с тобой теперь неподсудны,
Дело наше прекращено,
Перекрещено,
Прощено.
Никому из-за нас не трудно,
Да и нам уже все равно.

Поздним вечером,
Утром ранним
След запутать не хлопочу,
Не затаиваю дыханье —
Прихожу к тебе на свиданье
В сумрак листьев,
Когда хочу.

1965

БОГ

Однажды я был богом.
Это очень тревожно и трудно:
кружится голова от высоты,
а недоверие не покидает душу —
настоящий ли я бог?

Женщина тоже в вечной тревоге:
«Вознесла,
а теперь, гляди, бросит!..»
И оскорбляющие подозрения
не дают ей спокойно спать.

— Неужели не видишь,
что ты мой бог? —
то и дело допрашивает она меня. —
Прикажи — пойду с тобой на костер!
Пожелай — кинусь вброд через море!
Ты — бог, понимаешь? Бог!

— Хорошо, я проверю! —
отвечаю я.
Но я не хочу на костер
и море вброд перейти не сумею.
Как же мне убедиться
в моем всемогуществе?
И что я за бог,
если сам ни во что не верю?!

— Прикажи что-нибудь! —
настаивает женщина.

— Хорошо, сходи за папиросами!
Купи для меня бутылку вина!..
(Мне ни того, ни другого не нужно,
но больше я ничего не могу придумать.)

Нет, я не завидую земным богам!

1965

НАВСЕГДА

Сегодня я не знал, куда деть свою душу,
и, как бывало прежде,
меня потянуло к тебе,
в твой дом,
к тишине и доброжелательности.

Грохнул лифт на седьмом небе,
будто шахтерская клеть.
Седьмое небо —
это твоя лестничная площадка.

Раньше ночью ли, днем ли,
ты угадывала, что я уже рядом,
и, не ожидая звонка,
счастливая,
распахивала дверь настежь.
Сегодня никто не открыл мне дверь,
и я стал звонить.

В квартире залаяла собака.
Я назвал ее по имени: «Чапа!»
Она завизжала от радости.
А я стал стучать.
Но и на стук мне никто не ответил, —
наверно, было слишком поздно.
(Раньше никогда не было поздно!)

— Чапа, открой! —
закричал я.
Но собака не может открыть двери.
Вот когда я понял,
что это уже не твоя квартира,
и опять,
и еще раз почувствовал,
что тебя нет больше.
Нет!

До чего же мне трудно было сегодня
спускаться с твоего этажа.
Все вниз и вниз.
В первый раз —
вниз.
Навсегда.

1965

* * *

Но в мире новом друг друга
они не узнали.

М. Лермонтов

А мы друг друга и там узнаем.
Боюсь лишь, что ей
Без живого огня
Шалаш мой уже не покажется раем,
И, глянув пристально сквозь меня,
По давней привычке еще послушна,
Добра и доверчива,
Там она
Уже не будет так влюблена,
Так терпеливо великодушна.

1966

НОЧНАЯ УХА

Садись, коли пришла!
Ты думала, я струшу,—
Мол, как бы не взяла
Мою с собою душу?

Стоит, как видишь, дом.
Смеялась:
На́ день строю!..
Один я ныне в нем:
Леса, леса кругом —
Куда мне с ней, с душою?

Что раньше, что теперь
Тебя ли мне бояться?
Уж это так, поверь!
Захочешь повидаться —
Не закрываю дверь.

Вахтером в час ночной
У вас там
Петр иль Павел?
Сегодня — выходной:
Апостол в проходной,
Наверно, ключ оставил?

Давай уху варить.
Поужинаем плотно,

Я выпил бы охотно,
Чего греха таить...
Уж очень беззаботно
С тобой мне было жить.

Повесим котелок,
Мягка в реке водица.
Где ерш да окунек,
Там к месту и плотица.

Ольховый уголек
Для запаха положишь.
Есть перец и лучок...
Потом бы я прилег.
А разве ты не можешь?

Мне сроду не понять,
Что ты уже бесплотна.
Ах, если б раньше знать,
Что жизнь так мимолетна!

Я губ твоих и глаз
Не стал бы сторониться.
Почаще бы ушица
Готовилась у нас.

1966

ВОТ ТЕПЕРЬ-ТО МНЕ И ЛЮБИТЬ

Ты теперь от меня никуда,
И никто над душой не властен,
До того устойчиво счастье,
Что любая беда — не беда.

Никаких перемен не жду,
Что бы впредь со мной ни случилось:
Будет все как в первом году,
Как в последнем было году,—
Время наше остановилось.

И размолвкам уже не быть:
Ныне встречи наши спокойны,
Только липы шумят да клены...
Вот теперь-то мне и любить!

1965

ДУША

Странно:
Дышим — идет парок.
Говорят: душа показалась.
Как я этому верить мог —
Неужели ж только парок?
Не такой душа представлялась.

Улетучилась,
Не уберег —
Ничего в груди не осталось.

Пустота,
Хоть шаром покати,
Только ребра торчат, как стропила.
Отчего же не легче в груди?
Что в ней все-таки раньше было?..

1966

ЛУННАЯ НОЧЬ

Еле вылезла луна
Из-за облаков —
И земля опять видна
Вся, и сверху и с боков,
Словно вдруг из тьмы веков
К свету выбилась она
Из вселенских тайников.

Припадаю лбом к стеклу.
Улица освещена.
А внутри изба черна —
Что за печкой,
Что в углу.
Лишь сияют три окна
На некрашеном полу:
Как в колодцах глубина,
Холод чувствует спина.

Повернусь спиной к стене —
Все равно темно в избе,
Непроглядней, чем в окне.
Мне в родимой стороне,
У себя
Не по себе.

Еще больше при луне
Мне в избе
Не по себе.

1967.

НЕ НАДО КАЯТЬСЯ

К чему раскаянье?
Все было правильно.
Хоть все —
Нечаянно,
Все не по правилам.

Ни в чем не виню
Ни тебя, ни себя.
Себя
И тебя
Предавал огню.

То беззаботны мы
До вдохновения,
То — тягомотина,
То — завихрения.

Мутит бессонница,
Когда случается
Навзрыд поссориться,
Чтоб тотчас каяться.

То в берег врежемся,
То в небо ринемся,
Денек понежимся
И с год не видимся.

Разноголосица
И несусветица —
Все ныне по́ сердцу
И светом светится.

Не отрекаюсь я —
Уж лучше маяться.
Будь все по-старому,
Как жизнь поставила.

Ведь если б согласие
Во всем,
Всегда —
Не знать бы нам счастья,
Опять беда.

1967

ТАМ НЕБО ВЫШЕ

Снег тает быстро
В лесу и в поле.
Он звал нас в Истру,—
Поедем, что ли?

С ним так недолго
Мы вместе были,
Ни слова толком,
Лишь водку пили.

А с этой дрянью
Ни вдохновенья,
Ни пониманья —
Одно мученье.

Уж мы проселки
Пешком прошли бы,
А там —
До Волги,
До свежей рыбы.

Там небо выше,
Длиннее сутки.
Над самой крышей
Летают утки.

Там птичьи свисты
Тревогу лечат.
Поедем в Истру
Весне навстречу!

1963

ДУМАЛОСЬ ДА КАЗАЛОСЬ...

Думалось, все навечно,
Как воздух, вода, свет:
Веры ее беспечной,
Силы ее сердечной
Хватит на сотни лет.

Вот прикажу —
И явится,
Ночь или день — не в счет,
Из-под земли явится,
С горем любым справится,
Море переплывет.

Надо —
Пройдет по пояс
В звездном сухом снегу,
Через тайгу
На полюс,
В льды,
Через «не могу».

Будет дежурить,
Коль надо,
Месяц в ногах без сна,
Только бы — рядом,
Рядом,
Радуюсь, что нужна.

Думалось
Да казалось...
Как ты меня подвела!
Вдруг навсегда ушла —
С властью не посчиталась,
Что мне сама дала.

С горем не в силах справиться,
В голос реву,
Зову.
Нет, ничего не поправится:
Из-под земли не явится,
Разве что не наяву.

Так и живу.
Живу?

1967

* * *

Может, и надо мною
Та же беда разразится.
Что ж, не стою за ценою,
Не собираюсь рядиться.

Не попрошу об участие,
Пожил свое в охоту,
Был ко всему причастен
И расплачусь за счастье
По самому крупному счету.

1965

ЧЕГО ЕЩЕ СЕРДЦЕ ПРОСИТ?

Я видел большую воду —
Апрельский разлив и спад,
И как журавли в непогоду,
Домой под обстрел летят.

Свободна
И судоходна,
Как Млечный Путь широка,
Река, будто пену, к сходям
Накатывает облака.

Луга заметает илом,
Бьет бревнами кручам в грудь...
Позднее ей не под силу
И жерновок провернуть.

Я видел, как из-под снега,
Размытого добела,
Неведомого побега
Проклевывалась игла.

Подснежников появление,
Березовых почек рост
Я сравнивал по значенью
С рождением новейших звезд.

Жестоких желаний жжение,
Любовь и остуду знал,
И ненависть, и примиренье,
Смирялся и бунтовал.

Все видел:
Весну, и осень,
И зиму — во льдах, в снегу...
Все в памяти берегу.
Чего еще сердце просит?
Чему удивиться смогу?

1966

ПЕРЕД ИСПОВЕДЬЮ

Хочется исповедаться,
Выговориться до дна.
Может, к друзьям наведаться
С бутылкой вина?

Вот, дескать, все, чем жил я,
Несу на ваш суд,
Не отвернитесь, милые,
Весь я тут.

Смута сердешная
Невмоготу одному.
Не оттолкните грешного,
Сам себя не пойму.

Будто на медкомиссии,
Гол — не стыжусь,
Только ладошка листиком,
И не боюсь, что высмеют,
Ни лешего не боюсь.

Хватит уже бояться мне,
Душа нага.
Только бы не нарваться ей
С исповедью на врага.

Выговориться дочиста —
Что на костер шагнуть.
Лишь бы из одиночества
Выбиться как-нибудь.

Может, еще и выстою
И не сгорю в огне,
И, как на той комиссии,
— Годен! —
Запишут мне.

1965

ОБ ОДИНОЧЕСТВЕ

Мечтал один остаться.

И остался.

Живу один.

Чего желать теперь?

Справляй победу,

Не считай потерь...

Но где же все,

чего я добивался?

Опять никто ко мне не постучался,

За целый день никто не постучался!

Никто!

Никак!

Хотя б не в душу —

В дверь...

1967.

ВАШИ УСПЕХИ

Вы — знаете, что у нас за плечами!
А что у вас за плечами?
Вы пальцы сосали,
Вас в люльке качали,
Когда фашисты в дома к нам стучали
Железными сапогами.

В те годы рифмы своеобразные,
Не в меру лиричное слово
Воспринималось
 как неприличие,
А местоимение личное —
Как посягательство на основы.

Теперь вы — глашатаи,
Вы новаторы,
Вниманием девочек умащенные,
А мы — эпигоны,
Мы консерваторы,
У нас и рифмы традиционные.

Ну что ж, приму ассонансы и лесенку,
Только бы знать, что это не суетность,
Что вы не спасуете,
Не перелицуетесь
И против своих рядовых ровесников,

Чего б ни стряслось,
Не проголосуете.

История делает то, что следует,
И мы ни ей, ни вам не помеха.
Но не считайте своей победою,
Только своею,
Ваши успехи.

1964

РОГАТЫЙ ПЕГАС

А я не тружусь?
Чуть брезжит рассвет —
Как дóяр, сажусь
На свой табурет.

Как дояр —
Терпенья
Хоть отбавляй:
Ведро в колени
И — ну давай!

За словом слово
В строфу сую.
И впрямь корову
Сижу дою.

Беру в кулаки
Тугие соски,
Четыре струи —
Четыре строки.

То с пеной, со звоном
Идут слова,
То приглушенно,
Едва-едва.

Большой надой —
Молоко с водой,
Строка жидка,
Говорят:
— От быка!

А чуть запустил,
Не часто дою,
Кричат:
— Присушил
Строку и струю.

Корова,
рога
До земли клоня,
Как на врага
Глядит на меня.

Вот-вот в бедро
Шибанет ногой,
Свернет ведро,
Разольет надой.

Косится,
Бычится
Рогатый Пегас.
У бедной сочится
Тоска из глаз.

1968

МЫ БЫЛИ МОЛОДЫ

В голоде,
В холоде,
В городе
Вологде
Жили мы весело —
Были мы молоды.

Я со своей богоданной
Ровесницей
Под деревянной
Под жактовской лестницей.

В крошке сторожке,
В сарае ли — помните?
Нам-то казалось:
В отдельной комнате.

Были мы молоды,
Не запасливы:
В голоде, в холоде —
Все-таки счастливы.

Крови давление,
Сердца биение
Были нормальными
На удивление.

Как чудесами,
Кичились крылечками,
Да туесами,
Да русскими печками.

Окна в узорах,
Кровли с подкрылками,
Охлупни в небе
С коньками,
С кобылками.

Не горевали,
Что рядом, на площади,
С сеном, с дровами
Тонули лошади.

Мы колеи бутили
Поленьями,
Мы тротуары мостили
Каменьями.

И терпеливы были
И сметливы,
Неприхотливы,
Непривередливы.

Как нам любилось!
Как улыбалось!
Самое-самое
Близким казалось.

Не на «Победах»
И «Волгах» — где уж там!—

На велосипедах
Катали девушек.

И у Матрешек
Вместо сережек —
Серпы и молоты,
А вместо брошек —
Значки наколоты:
Ценилось не золото, —
Мы были молоды!

Что нам мохнатые
Бобры и пыжики?
Гордились ребята
Буденовкой рыженькой.

Не было крова
Под флагом
Сутяге.
Честное слово
Равнялось присяге.

В голоде,
В холоде
Жили мы в Вологде.
Но были молоды,
Вот как молоды!

Ах, до чего же
Глупы и молоды!

Я обречен на подвиг,
И некого винить,
Что свой удел
 свободно
Не в силах изменить,

Что этот трудный жребий
Приняв как благодать,
Я о дешевом хлебе
Не вправе помышлять.

Щадить себя не вправе,
И бестолковый спор
О доблестях, о славе
Не завожу с тех пор.

Что ждет меня, не знаю,
Живу не как хочу
И ношу поднимаю
Себе не по плечу.

У бедного провидца
Так мал в душе просвет,
Что даже погордиться
Собой охоты нет.

А други смотрят просто,
Какое дело им,
Крещусь я троеперстно
Или крестом иным.

Как рыцарь старомодный,
Я в их глазах смешон.
Да нужен ли мой подвиг?
Ко времени ли он?

Земли не чуя сдуру,
Восторженно визжа,
Ползу на амбразуру,
Клинок в зубах держу.

1966

СКОРАЯ ПОМОЩЬ

Размышления у парадного подъезда

Это меня волнует
не меньше, чем цифровые выкладки
в очередных сообщениях ЦСУ.
И хочется в этом разобраться.

У подъезда деревянного барака
стоят две машины «Скорой помощи»,
как два белоснежных катера
у речного причала.
Что случилось?
Кому занедужилось?
Почему такой переполох?
Может, сердечный приступ
у самого министра?

Я подхожу к толпе любопытных,—
а они всюду,
где пожар
или автомобильная катастрофа.
— Что случилось?
— Человек заболел.
Говорят, слесарь какой-то...
— Почему же две машины?
— Жена перепугалась,
позвонила в два пункта сразу.
Что не звонить? Помощь бесплатна...

Это меня взволновало:
человек заболел.
Не министр,
а просто слесарь,
и к нему, к слесарю,
по телефонному звонку жены
прибыло сразу две машины:
два врача,
две сестры в белых халатах.
Помощь бесплатна.

Значит, земля еще вертится,
значит, Его величество слесарь
справится еще со своими недугами.

Подумав так,
я примкнул к толпе любопытных.
— Не умер? — кинулись мы,
когда из барака выходили врачи и сестры.
— Зачем умер? Будет жить!
Только надо перестать глушить себя водкой
и завивать горе веревочкой,—
это ни при каких бедах не помогает.

«Да, надо, надо перестать глушить себя
водкой! —
убежденно сказал я про себя
и — слаб человек! — подойдя к ларьку,
опрокинул стаканчик «Столичной»
за выздоровление слесаря!
За здоровье Человека!

К СОБСТВЕННОМУ ЮБИЛЕЮ

Встревоженные врачи
Неловко отводят взгляд:
Попробуй теперь лечи,
Когда уже пятьдесят.

Не двадцать,
Не тридцать лет,
А круглым счетом
Полста,
И меньше не стало бед,
Не кончилась маета.

Ах, милые доктора,
Меня не спасет обман,
Такие ли мастера
Латали тришкин кафтан!

Снежок задувает с крыш,
Душа дрожит у огня.
Уже не омолодишь,
Не растолкаешь меня.

Болезнь далеко зашла,
Микстурками не излечить,
Границы добра и зла
Нельзя уже различить.

И сил не вернуть сполна.
Терзайся,
Тоскуй,
Жалей,
Разгадывай — чья вина...
Не лучше ли взять вина
Да отколоть юбилей?

1963

МОЛИТВА МАТЕРИ

В комнате матери нет иконы,
Она не бьет никому челом,
Ни ранним утром,
Ни перед сном
Не отвешивает поклоны.
Но светлую эту молитву
Мы видим в ее глазах,
Она звучит в ее голосе
Денно и ночью.

Заступница, дай мне большую душу,
Сердце доброе,
Око недремлющее,
Голос мягкий, отходчивый, ласковый,
Руки крепкие, незлобивые,—
Очень трудно матерью быть!

Не власти прошу,
Не за деньги стою.
Вдохни, сердобольная, в грудь мою
Столько любви и силы,
Чтоб до могилы
На всю семью —
На мужа, на сына, на дочь мою,—
На каждый характер хватило,
На все их сомнения
И смятения,

На спотыкания и причуды,
На завихрения
И увлечения,
На заблуждения
И остуды.

Только любовь раскрывает сердца,
Лишь перед ней отступает горе.
Мне нужно очень много любви.
Ты — мать,
Ты меня понимаешь...

1967

МИЛОЕ МОЕ ГОРЕ

Вытянулась семья —
Дочери и сыновья.
Верилось:
С ними
Стану сильнее я.
Стал не сильнее я —
Еще ранимее,
Еще уязвимее.

Думалось:
Что ни год,
Мне будет легче,
Доля моих забот
Ляжет на их плечи.

Но годы идут, идут —
Покоя не знаю:
То в техникум,
То в институт
Сам поступаю.

Опять зачеты сдаю,
Дрожу понемножку.
Перелицовываю свою
Ношеную одежду.

Историю с дней Петра
Зубрю снова:
История —
Стара,
Пособия —
Новы.

Не труд — глагол проспрягать.
Трудней и серьезней
Заново перемогать
Опасный возраст.

Я как в огне, на войне.
А чем озабочен?
Дочь влюблена,
А мне
Не спать ночи.

Что за дружки у сына?
Не было б худа.
Письма пришли,— откуда?
Сразу три дневника —
Только ль причуда?

Странно, что в век машин,
Атомных бомбовозов
Для них не решен ни один
Из роковых вопросов.

Юноша, стиснув рот,
Заново определяет:
Ради чего живет?
Из-за кого страдает?

Что такое любовь?
Где обитает совесть?
И всё —
Не в глаз, так в бровь,
В самую душу то есть.

Дочери и сыновья —
Милое мое горе,
Вечная мука моя!
Какое уж там подспорье...

За редкий часок без забот —
Страшнее всех суеверий,
Страшнее, чем эшафот,
Вечно в душе живет, —
Вечно!
Из года в год! —
Страх потери.

Вдруг да опять война —
Что будет с ними?
Теперь у меня она
Все отнимет.

1965—1967

РАЗЛЮБИЛА ЖЕНА

Разлюбила жена...
Я давно подозревал,
что она уже разлюбила,
и все же принял это
как вероломство —
так было.
Этого мне еще не хватало:
жена разлюбила!

Но все-таки что же это такое:
невезение
или доброе предзнаменование?
Свобода или новая кабала?
Войны объявление
или ее окончание?

Живу, ничего не понимая.
Горевать мне
или торжествовать?
Ревновать
или благодарить бога?
Ни себя, ни ее не могу понять.

Жизнь остановилась.
Комната моя захламлена,
как после отступления оккупантов.

Ружье не чищено с прошлогодней охоты.
Лыжи стоят в углу —
не тянет ни в лес, ни в поле.
На столе горой неразобранная почта.
Стеллажи с книгами забиты пылью,
как заброшенная пахота сорняками.
Кто знает, завтракал ли я сегодня?
Который день забываю побриться.
Не работается,
не спится,
не дышится,
не пишется!

Вразуми, господи, что же это такое:
набор высоты
или стремительное пикирование
к земле,
в землю?
А может быть, это и есть
состояние невесомости?..

Когда-то я был спокоен за свои тылы, —
шел,
наступал,
отражал атаки!
Разлюбила жена.
Теперь и тылы мои не обеспечены.
Предательство мерещится всюду
и не дает покоя ни днем, ни ночью.

Я беззащитен,
как открытый город.

Даже самолюбие не подымает головы.
Тихо и пусто вокруг,
как до сотворения мира.

1967

ТВОИ ПИСЬМА

И на слух я пробовал,
И на вкус, и цвет:
Ничего в них доброго,
В твоих письмах, нет.

Залпом выпить надо бы,
Я же
По глотку
Пью, смирив тоску,
Как дурное снадобье,
За строкой строку.

Стежки прихотливые,
Хитрая канва:
Окрики ревнивые,
Льстивые слова.

Я же —
В одиночестве,
И не счесть обид:
Не живу, как хочется, —
Как нужда велит.

Высланный, не высланный,
Но — в лесу с весны.
Не такие письма мне
От тебя нужны.

1966

ПТИЧЬЯ ТЕМА

Оперились мои птенцы,
Поднимаются на крыло,
Понесло их во все концы.
На жену смотреть тяжело.

С кем
И где ей век доживать?
Сердобольная — всем нужна,
А приходится выбирать:
Для меня-то она — жена,
А для них —
И нянька и мать.

Как ни кинь,
А отцу все клин.
Такова, знать, судьба отцов,
Я опять остаюсь один,
Без жены,
Без своих птенцов...
Что ж такое, в конце концов!

Неужели же все опять
Надо сызнаова начинать:

Вить гнездо,
Сколачивать дом
И свистеть,
Свистеть соловьем?..

1967

ДЖИН

Увели собаку со двора,
Словно женщину, переманили.
Чем пленили?
Что ей посулили?
Ничего не скажет конура.

Доброта собаку подвела:
Вырастала в сытости и в холе,
Ничего не знала о неволе,
От людей не ожидала зла.

Лаяла...
Но разве это лай?
Преданность, любовь, мольба о ласке:
Хочешь — запрягай ее в салазки,
Хочешь — в космос, к звездам, засылай.

Я не вешал планку на столбе:
«Осторожно, во дворе собака!»
Сын мой, как на похоронах, плакал
О своей и о ее судьбе.

Увели ее исподтишка,
Верно, за ушами почесали,
Поиграли,
На веревку взяли,
Как телка на пожне, сосунка.

Если б лес вокруг, степная гладь —
Я бы думал, что ее в околки
Ночью играми сманили волки, —
Тоже знают, чем собаку взять.

Джин мой, Джин!
Уж лучше бы меня
Умыкнули от семьи подале,
Обо мне бы меньше тосковали,
Так не убивалась бы родня...

Дни и ночи мы как на посту:
Вдруг примчится,
Завизжит, залает...
Неужель в людскую доброту
И собака веру теряет?!

1967

ВМЕСТО ОТВЕТА

Не затем я молчу,
Чтоб скрываться,—
В нашей жизни хочу
Разобраться.

В нашей трудной судьбе,
В нашем горе...
А живу в той избе,
В той,
Знакомой тебе,
На Угоре.

Одинок, словно бог,
Словно демон,
Среди хвойных дорог —
Тихо,
Немо.

Как пустынный в лесу,
Схимник,
Странник,
Ем грибы,
Пью росу,
Лечу раны.

На людей не ропщу
И у неба
Ничего не прошу.

Правду мне бы!
О себе,
О тебе
Правду-матку:
Кто ты все же в судьбе
Моей краткой?

Ни судить, ни винить
Нету силы.
Разве можно забыть
Все, что было?
Не забыть,
Не избыть
До могилы!

Отзовусь, как решу,
Пойму что-то.
А пока...
Не пишу.
Боль работой глушу
Да охотой.

В речке раков ловлю
И сорожек...
А тебя все люблю,
К сожаленью, люблю,
Люблю все же!..

Но теперь уж молю:
— Избавь, боже!

1966

СВОЕ ДОБРО

Кончились радости осени. Дождь.
Небо слезится,
Тучи как дым.
Ты меня в город, домой зовешь,
Ждешь, как отходника.
С возом каким?

Груз мой — корзины да пестери,
Не из-за моря —
Свое добро.
Хочешь, бочонок груздей бери,
Туес брусники,
Клюквы ведро.

Как говорят, чем богат, тем и рад,
Что уродилось,
То и везу.
Разбогатеть не смог, виноват,
Не за границами жил — в лесу.

Чем занимался?
Да просто жил,
Сил набирался,
Жил и дышал.
Рад, что ничьих не вытягивал жил,
Людам на горло не наступал.

Не говорю, что горе прошло,—
Свыкся.
У всякого свой удел.
Все-таки что-то произошло:
Тучи как дым, и дождь,
А светло.
Осенью даже лес посветлел.

1967

В КОНЦЕ ПУТИ

Пашни, поженьки, перелески,
Как в кино скоростном, летят.
В окнах мечутся занавески,
Будто выброситься хотят.

Для последнего перегона
Вместо дымного паровика
Встал в упряжку к мокрым вагонам
Черт с рогами,
В броне бока.

Отшатнулся состав в испуге,
Напружинился, задрожав.
К проводам подлетели дуги,
Словно вожжи в руки зажав.

И — пошел!
Мимо людных станций,
Без стоянок,
Скорей, скорей!
Визг железа
Да стук дверей,
Да мелькают протуберанцы
Электрических фонарей.

И чем ближе конец дороги,
Дом, семья,—

Тем сильней, больней,
Тем неистовей гром тревоги
На путях
И в груди моей.

А потом,
Будто с крыши голубь,
Крылья складывая на лету,
Я с вокзала валюсь, как в прорубь,
В суматоху и суету.

1966

* * *

Я опять хочу притулиться
У немилой своей родни,
Все равно жене не отбиться
От бесчисленной ребятни.

Оправдаться смогу едва ли,
Но не тянет на свой порог:
Ребятишки жену отняли,
Многодетный — я одинок.

Не судите, сынки и дочки,
Заночую на стороне,—
Может, выстирают сорочку,
Может, брюки погладят мне...

1962

РАЗВОД

Их рассудил товарищеский суд.
Для сослуживцев было все понятно:
Не получилось,
Вместе не живут,
И ничего не воротить обратно...

Потом уже в районном нарсуде
Пытали их любовно и пристрастно,
Пытались примирить,
Но все напрасно.
А зубоскальства не было нигде
И волокиты никакой:
Все ясно.

А после беготни и суетни,
Когда настало время оглянуться,
Вдруг, ужаснувшись, поняли они,
Что сами-то —
И, может, лишь одни —
В случившемся вовек не разберутся.

1966

СО СТОРОНЫ

Я на вас гляжу со стороны,
Подойти, заговорить не смею.
Лес. Палатки.
Плеск речной волны...
Добрый смех ваш,
Милые затеи
Всех волнуют чем-то,
Всем нужны.

Будто речка, что свалила вдруг
Опостылевшую ей запруду,
Расшумелись вы среди подруг,
Удивляясь,
Радуюсь, как чуду,
Что вокруг вас небо, роща, луг...

Вдохновеньем вашим оживлен,
День воскресный
С песнями, с весельем
Чем-то стал похож на новоселье,—
Вам за это ото всех поклон.
Как, должно быть, с вами жить легко!
Мир устойчив
И благоустроен...

Но в сторонке
Под колючей хвоей
Муж ваш тянет целый день пиво.

Кем расстроен?
Чем обеспокоен?
Подошли б, узнали, что такое,
Расспросили б...
Это ж так легко.

1962

СКОРЫЕ ПОЕЗДА

Отходят скорые поезда...
А мы ни разу не расставались,
Не разъезжались,
Не провожались,
Ни разу письмами не обменялись
Да и не виделись никогда:
Еще мы просто не повстречались.

А ведь, наверно, ты где-то есть?
И не чужая —
Моя...
Но какая?
Красивая?
Добрая?
Может, злая?
Живешь, наверно, меня ожидая,
А повстречаемся ль мы, бог весть!
Я ничего о тебе не знаю.

Вот снова один.
Моросят года.
Уж сердце мое дает перебои.
А вдруг мы не встретимся никогда —
Бедя или счастье в том для обоих?...

Отходят скорые поезда,
Сверхзвуковые взмывают...
Куда?
Не разминутся бы нам с тобою.

1966

ЖЕЛЕЗНЫЕ БАЛКИ

Устал или болен, не знаю,
но трудно,
Трудно дышать, не закрыв глаза:
Яркие краски душу таранят,
Песни любимые надоели,
Встречи с любимой не веселят.

Глаза закрою — изводит грохот,
Он нарастает со всех сторон,
Кажется, взяли тебя с постели,
Словно цыпленка из-под наседки,
И просто швырнули на тротуар.

А то еще хуже, еще нелепей:
Вообразится вдруг, что в окно
С улицы, с ходу,
Гремя на стыках,
Стекла дробя,
Не один — с прицепом
Прямо в комнату прет трамвай.

Нет,
не житье в коммунальной квартире, —
Странно, что так называли ее, —
Свары, наветы...
И это коммуна?

До полуночи ругань на кухне,
И за столом мне покоя нет.

Голову ломит,
Дрожат колени,
Если бы мне побыть одному:
Выключить радио на неделю,
Дверь — на крючок,
На двери — записку:
«Выбыл...» —
И жить, как барсук в норе.

...Полноте, что со мною случится!
Нет ни безверия, ни обид,
Даже не болен,
Устал — и только,
Как устают железные балки
От непрерывного топота ног.

1939

Опять больница!
Все горше невзгоды,
Все чаще не спится
Из-за непогоды.

Жене все тревожней,
И, очень возможно,
Ей хвори мои
Надоели безбожно.

Печалится, плачет,
А может, и злится,
Что жизнь иначе
Могла бы сложиться —

Удачливей, легче,
Богаче, —
Иначе.
Теперь, что ни вечер,
Носи передачи.

И дети в обиде —
Сидят у кровати:
Что можно увидеть
В больничной палате?

Мои потрясения,
Сомнения,
Мученья
У них вызывают
Одни огорченья.

Еще — снисхождение
И отчуждение...
Для них я давно
Объект наблюденья.

1964

НОВОГОДНЯЯ ПОЧТА

О простой переписке
Не тревожусь сегодня.
От далеких и близких
Почты жду новогодней.

Дело не в поздравленьях,
И картинки не новы,
Дорожу завереньем,
Что, мол, живы-здоровы;

Что в трудах и заботах
Дни текут, как и прежде,
И, согласно расчетам,
Крепнуть нашей надежде;

Мол, желаем того же
Вам
И Вашему роду...

Многих писем дороже
Эти —
К Новому году.

Есть они —
И легко мне,
Нет их —
Я неспокоен:

Почему друг не вспомнил?
Может, горе какое?

Может, что-то случилось?
Чье-то сердце разбито?
Отзовись, сделай милость,
Позвони,
Аэлита!

Велики ли расходы! —
Только авиамарка,
А для Нового года
Нет дороже подарка!

Нет бесценней подарка —
Почтальон у калитки.
Как заздравные чарки —
В доме к сроку открытки.

Пусть же хлынут лавиной
Телеграммы и письма,
Как шипучие вина
И как добрые мысли.

Пусть овеют порошей
Наши с вами застолья.
Новый год,
Будь хорошим,
Люди этого стоят!

1966

ВОТ И ВСЕ

Вот и все:
Декабрь на исходе,
Завершился круговорот.
Вспоминаю о старом годе,
Жду, чтоб выпить за Новый год.

Собрались за перегородкой
Побратимы в кругу своем.
— Что тебе —
Коньячку иль водки?
Может, пива?
— И пиво пьем!

— А тебе? —
...А я на гулянке
Прямо места себе не найду.
Уж не выпить ли валерьянки?
Что-то ждет меня в новом году?..

1958

НОЧНОЙ ПОЕЗД

Это как приближенье
Ветра, воды, песка.
Вдруг возникает движенье,
Неясное пока,
Словно круговращенье
Медленное
В облаках.
Дикой пчелы роенье?
Шелест березняка?
Может, прорвав заграждение,
Хлынула с гор река —
Стонут от напряжения
Взмыленные бока?
Может, громов рождение,
Скал прибрежных крушение,
Слышное издалека?
Ждешь,
Как землетрясенья,
Гула,
Рывка,
Толчка.
Лес пригибает ветви,
Дрогнул небесный свод,
Стекла звенят...

А это
Пресекою
Сквозь ветер
Поезд ночной идет.

1967

ПОСЛЕДНЯЯ ГЛАВА

...Дописать или оборвать —
Горе горькое догоревать?
Сам с собой не всегда в ладу.
По своей
Иль чужой вине
Так живу, как сквозь строй иду,
Что ни день —
Горю на огне.

Книга жизни...
Только ль слова?
Сколько лет я сижу над ней!
Пожелтели страницы в ней,
Как трава в сентябре;
Как листва,
Поседела моя голова.
Но вдвойне дается трудней
Заключительная глава.

1967

СОДЕРЖАНИЕ

СОВЕСТЬ

Спешите делать добрые дела	7
Переходный возраст	9
Утром не умирают	11
Москва — Вологда	13
Земной поклон	15
Люблю все живое	17
«Не верю, что звери не говорят...»	18
«Тишина над рекою...»	20
Письмо в «Лесную газету»	22
Юг-река	25
«Я встретил женщину...»	26
«Страшно любить и быть нелюбимым...»	27
Орел	28
«Весна, куда ни кинешь взгляд...»	29
На проталинах	31
Гость	33
Заморозок	34
«Промыли в окнах стекла...»	35
«Вспокоились над лесом воробьи...»	37
В чужом краю	39
Тетерев	41
Зайчонок	42
Исповедь	44
Все можем	46

«И я обманывал...»	48
Неулыбчивому человеку	49
Сны	50
«Опять я целый день негодовал...»	52
Память	53
«Боюсь любви, а не любить — не жить...»	55
Районная красавица	56
«Все земное...»	58
Спокойнее вдвоем	59
Чудо-сабля	62
Мать	64
Меня добру учила вся родня	65
«Да, отзывчивая, да, сердечная!..»	66
«Странно...»	67
«Ты такое прощала...»	68
Только живи!	69
Хочу весну!	70
Твоя Родина	72
«В несметном нашем богатстве...»	74
Торжественное обещание	75
По своей орбите	77

БОСИКОМ ПО ЗЕМЛЕ

I

Чистый бор	81
Мы уже боялись	82
Запасаемся светом	84
Пора и мне	86
На Бобришном Угоре	88
Обнова	90
В бору случилось невозможное	92
Век не тот	94

Босиком по земле	96
Первый птенец	98
Сиверко	100
Лесные дуги	102
На заячьих тропах	104
Жили-были...	106
Сказка про медведя	108
Рябчики в снегу	110
После снегопада	112
Медведя мы не убили...	114
Песня без слов	115
Про березку	117
Родные слова	118
Мертвые деревья	120
Только на родине	121

II

Лирическое беспокойство	123
Бессонница	125
«Думалось, не прибраться...»	128
О моей святыне	129
И стали мы пить чаек...	131
Желтые листья	135
Счастлив ли я?	137
Топятся печи	139
Покормите птиц	141
Бабочка ожила	142
В тайге	143
Таруса	145
Чего боюсь?	146
Спасибо солнцу	147
На одной волне	149
Зазимовавшая ласточка (Из Георгия Леонидзе)	152

Дорога в небо . . . , , ,	153
Терек	154
Домбай ,	155
Дунайские контрасты	
1. На дорогах	156
2. Кричали грачи	157
3. Хлеб созрел	159
4. В городе Кассняне	160
Вешние воды	162
К тебе обращаюсь, душа моя!	164

III

О безответной любви	166
Аэлита	168
Беличьи свадьбы	170
Смерть березки	172
Улыбка	173
Дебора	174
Последнее посвящение	
1. «Еще вчера была жара...»	176
2. «Часто я вижу тебя во сне...»	176
Остуда	178
С матерью наедине	179
Просьба	181
Не дразни меня...	183
Мир — из огня	185
Если б ты подал голос...	187
Ночная охота	188
Сухое вино ,	191
Все для человека	193
«Лес поседел от инея...»	195
Огонек	196
Добру откроется сердце	197

ДЕНЬ ТВОРЕНЬЯ

Сопоставления

Отходная	201
День творенья	203
Почему не удивляемся	206
Кулик	208
О погожих днях и хороших людях	209
Вадиму Каплину, медвежатнику	211
Следы на снегу	213
Утренники	215
Лесосека	216
Зимой в речном порту	218
Глухая зима	220
Сказать иль промолчать?..	222
Весенние ожидания	223
Грачи	225
И так всю жизнь	227
Ясный день	230
С добрым утром!	231
Для тех, кто не спит	233
Новый берег	235
Эко дело!	236
Пришвинский мостик	238
Сопоставления	239
О форме и содержании	242
Ленинград, 1942 год	244
Соловей	247

Ночная уха

Заклинание	248
Речка Вертушинка	250
О чужой душе	252

ВМТ	254
«Мы с тобой теперь неподсудны...»	256
Бог	257
Навсегда	259
«А мы друг друга и там узнаем...»	261
Ночная уха	262
Вот теперь-то мне и любить	264
Душа	265
Лунная ночь	266
Не надо каяться	268
Там небо выше	270
Думалось да казалось...	272
«Может, и надо мною...»	274

Переходные вопросы

Чего еще сердце просит?	275
Перед исповедью	277
Об одиночестве	279
Ваши успехи	280
Рогатый Пегас	282
Мы были молоды	284
«Я обречен на подвиг...»	287
Скорая помощь	289
К собственному юбилею	291
Молитва матери	293
Милое мое горе	295
Разлюбила жена	298
Твои письма	301
Птичья тема	303
Джин	305
Вместо ответа	307
Свое добро	309
В конце пути	311

«Я опять хочу прижаться...»	313
Развод	314
Со стороны	315
Скорые поезда	317
Железные балки	319
«Опять больница!..»	321
Новогодняя почта	323
Вот и все	325
Ночной поезд	326
Последняя глава	328

Яшин Александр Яковлевич

ИЗ ТРЕХ КНИГ

М., «Советский писатель», 1976, 336 стр.
План выпуска 1976 г. № 185

Художник В. Г. Виноградов

Редактор В. С. Фогельсон

Худож. редактор В. В. Медведев

Техн. редактор Т. С. Казовская

Корректор Ф. Л. Эльштейн

Сдано в набор 10/II 1976 г. Подписано к печати 12/V 1976 г. А 09155. Бумага 70×108¹/₃₂ № 1. Печ. л. 10,5 (14,7). Уч.-изд. л. 8,88. Тираж 50 000 экз. Заказ № 131. Цена 1 р. 10 к. Издательство «Советский писатель». Москва Г-69, ул. Воровского, 11. Тульская типография «Союзполиграфпрома» при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Тула, проспект им. В. И. Ленина, 109.

